This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3337
P6Z66
1896

P54-78

ex
ss

STANFORD
LIBRARIES

Вл. Боцяновскій.

Н. А. ПОЛЕВОЙ,

КАКЪ ДРАМАТУРГЪ.

(Къ 50-ти-лѣтію его смерти).

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
изъ
„ЕЖЕГОДНИКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ"
сезона 1894—1895 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ Спб. театровъ, Моховая, 20.
1896.

Вл. Боцяновскій.

Н. А. ПОЛЕВОЙ,

КАКЪ ДРАМАТУРГЪ.

(Къ 50-ти-лѣтію его смерти).

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
ИЗЪ
„ЕЖЕГОДНИКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ"
сезона 1894—1895 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ Спб. театровъ, Моховая, 40.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6-го мая 1896 года.

Н. А. ПОЛЕВОЙ,

какъ драматургъ.

(Къ 50-ти-лѣтію его смерти).

Исполнившееся 22-го февраля пятидесятилѣтіе со дня смерти Николая Алексѣевича Полевого обнаружило очень крупный пробѣлъ въ исторіи нашей литературы. Какъ это ни странно, но у насъ нѣтъ не только всесторонней оцѣнки дѣятельности этого писателя, работавшаго во всѣхъ областяхъ современной литературы, но даже сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Желающій познакомиться съ жизнью и трудами Полевого располагаетъ такими же средствами, какъ и читатель пятидесятыхъ годовъ. Брошюра Бѣлинскаго, Записки брата его—Ксенофонта Полевого, нѣсколько журнальныхъ статей,—вотъ все, что даетъ литература для ознакомленія съ дѣятельностью замѣчательнаго журналиста, историка, беллетриста и драматурга. Своей статьей мы, конечно, не думаемъ восполнить этотъ пробѣлъ. Драматическая дѣятельность Полевого, составляющая главный предметъ нашей статьи, представляетъ собою самую незначительную часть всей литературной дѣятельности его. Бѣлинскій, сдѣлавшій общую оцѣнку Полевого, какъ писателя, считалъ ее настолько незначительной, что ограничился только простымъ упоминаніемъ о драмахъ, написанныхъ имъ [1]). Думаемъ, однако, что при общей характеристикѣ литературной дѣятельности Полевого такое игнорированіе неумѣстно. Несомнѣнно, что Полевой не былъ выдающимся драматургомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не станетъ отрицать, что въ свое время для русской

[1]) *В. Г. Бѣлинскій.* Сочиненія. М. 1874. Т. XII, стр. 187.

сцены и общества онъ и въ этой роли имѣлъ не малое значеніе. «Кто двадцать лѣтъ владѣлъ общимъ вниманіемъ публики»,—скажемъ мы словами самого Полевого,—«германской, французской, англійской, русской, тотъ, Скрибъ ли онъ, или Коцебу, не можетъ не имѣть какихъ-нибудь достоинствъ» [1]) и потому,—прибавимъ отъ себя,—заслуживаетъ вниманія.

I.

Николай Алексѣевичъ Полевой родился въ Иркутскѣ. Купеческая семья, въ которой онъ выросъ заключала въ себѣ въ одно и тоже время условія, благопріятствовавшія его развитію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тормозившія его. Отецъ его былъ однимъ изъ сибирскихъ интеллигентовъ, выписывалъ газеты и книги, былъ знакомъ почти со всѣми образованными обитателями Иркутска, но, несмотря на это, неблагосклонно смотрѣлъ на занятія сына. К. Полевой объясняетъ это тѣмъ, что отецъ чувствовалъ «несообразность воспитанія съ дѣйствительностью», преслѣдовалъ своего сына за то, что онъ увлекался науками, и въ порывѣ гнѣва разъ даже бросилъ въ огонь его бумаги [2]). Объ этомъ говорилъ самъ Н. Полевой, это же подтверждаетъ и его большой поклонникъ, И. З. Крыловъ [3]). Видя такое отношеніе къ своимъ занятіямъ, научившись читать, Полевой работалъ потихоньку, работалъ по ночамъ. Днемъ велъ торговыя дѣла отца, а вечерніе досуги употреблялъ на свое ученье. По пріѣздѣ въ Курскъ, куда переселились Полевые вслѣдствіе окончательнаго разстройства дѣлъ, Н. Полевой долженъ былъ поступить прикащикомъ въ чужую контору, но не оставилъ своихъ прежнихъ занятій. Здѣсь онъ у какого-то пьянаго итальянца цирюльника изъ Наполеоновской арміи началъ учиться латинскому и французскому языку у богемца, учителя музыки,—нѣмецкому, а двадцати лѣтъ засѣлъ уже за изученіе высшей русской грамматики. Только его необыкновенной талантливостью и способностями можно объяснить то, что, начавъ болѣе или менѣе серьезное ученіе въ 1818 году, онъ безъ чьей-либо помощи, безъ всякой школы, добился настолько блестящихъ результатовъ, что въ 1828 году могъ предоставить въ Академію Наукъ изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ, удостоенное большой серебряной медали, а въ 1825 году началъ издавать лучшій русскій журналъ, своимъ появленіемъ

[1]) «Репертуаръ» 1840, кн. II, стр. 5.

[2]) *К. А. Полевой.* Записки. Спб. 1888. Стр. 17.

[3]) Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полевого. М. 1849. Стр. 19.—*Н. А. Полевой.* Очерки русской литературы. Спб. 1839. Ч. I, стр. XXXI.

составившій эпоху въ русской журналистикѣ, и даже сталъ во главѣ литературнаго и умственнаго движенія того времени.

Въ самой ранней молодости зародились въ немъ уже тѣ разносторонніе интересы, которые были осуществлены имъ позже. Почти ребенкомъ, онъ писалъ стихи, издавалъ журналъ «Другъ Россіи», любилъ исторію, увлекался *театромъ*. Послѣднее мы считаемъ необходимымъ особенно подчеркнуть въ виду тѣхъ упрековъ, которымъ онъ подвергся позже, начавъ свою драматическую дѣятельность. Булгаринъ, напримѣръ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, заявлялъ, что Полевой взялся за это дѣло, не чувствуя къ нему никакого расположенія, изъ простаго разсчета, только потому, что «вкусъ высшаго сословія и публики явно обратился къ театру» [1]). Другіе, соглашаясь съ этимъ, кромѣ того, подозрѣвали Н. А. Полевого еще въ какихъ-то нечистыхъ побужденіяхъ и разсчетахъ [2]).

Между тѣмъ, любовь къ театру проявилась у Полевого въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ съ увлеченіемъ разсказываетъ о видѣнныхъ имъ въ дѣтствѣ представленіяхъ кукольныхъ комедіантовъ, передаетъ даже содержаніе видѣннаго. Еще въ Иркутскѣ онъ познакомился съ твореніями Сумарокова и Хераскова. «Имѣя темное представленіе о сценѣ и театрѣ»,—разсказываетъ онъ,—«скоро познакомился я теоретически съ драмою и даже самъ началъ писать трагедіи и комедіи. Мнѣ попались въ руки тома два сочиненій Сумарокова, тома два Княжнина, но полную побѣду одержалъ надо мною Херасковъ: двѣнадцать томовъ его твореній, гдѣ нѣсколько томовъ занято его драмами, увлекли меня. Давай читать, давай самому писать» [3]). Результатомъ этихъ увлеченій старыми драматургами былъ цѣлый рядъ дѣтскихъ произведеній въ этомъ же родѣ: трагедія «Бланка Бурбонская», драма «Герои Русскіе въ Пруссіи», въ которой главными героями были Наполеонъ и Беннигсенъ, представленіе «Царская свадьба», изображавшая свадьбу Царя Алексѣя Михайловича. Разсказы о театрѣ онъ слушалъ и читалъ съ величайшимъ вниманіемъ. «Я не иначе думалъ о драматическихъ писателяхъ»,—говоритъ онъ,—«какъ объ избранникахъ рода человѣческаго и, конечно, одурѣлъ бы отъ радости,—да, просто, скорѣе бы повѣрилъ бы, что сдѣлаюсь японскимъ императоромъ, нежели творцомъ чего-нибудь въ родѣ безсмертныхъ

---

[1]) *Бѣлинскій*. Сочиненія, т. VII, стр. 23_.

[2]) «Русская Старина», 1889, т. LXII, стр. 298; т. LXIV, стр. 104.

[3]) Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ и русской драматургіи. «Репертуаръ», 1840, кн. II, стр. 1—12.

твореній Хераскова и Сумарокова». Не выѣзжая изъ Иркутска, пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже былъ знакомъ со всѣмъ, что было лучшаго въ русской драматургіи, перечиталъ Сумарокова, Хераскова, Озерова, Коцебу, которые тогда признавались классиками, интересовался статьями, трактовавшими о драматической литературѣ, мечталъ о Шекспирѣ.

Попавъ въ іюлѣ 1811 года на извѣстную Макарьевскую ярмарку, онъ не преминулъ побывать въ театрѣ, который произвелъ на него ошеломляющее дѣйствіе. Здѣсь шли въ это время «Гусситы подъ Наумбургомъ» и «Дѣва солнца» Коцебу, «Рѣдкая вещь» и другія пьесы. «Вообразите, что долженъ былъ я чувствовать, въ первый разъ отъ роду пришедши въ театръ и видя Гусситовъ»,—пишетъ Полевой.—«Я заливался слезами, и, право, вышелъ изъ театра добрѣе, нежели вошелъ въ него; а на другой день мои понятія такъ перепутались, что и «Наумбургъ», и «Макарьевъ», и «Гусситы», и ярмарка составили въ головѣ моей что-то такое пестрое, соединеніе чего-то дѣйствительнаго съ фантастическимъ»... Въ Москвѣ, куда онъ былъ отправленъ отцомъ для устройства всякаго рода дѣлъ, Полевой, говоря словами его брата, «вѣтренничалъ», посѣщалъ лекціи, покупалъ книги, по три раза въ недѣлю посѣщалъ театръ [1]), который занималъ тогда середину площади на валу Бѣлаго города, гдѣ кончается Пречистенскій бульваръ. Современный репертуаръ составляли разнаго рода драмы, трагедіи, комедіи, оперы, оперетки, оригинальныя и переводныя. Особенный успѣхъ имѣли Озеровскія драмы—«Эдипъ», «Димитрій» и «Фингалъ», «Сумбека» С. Глинки, а изъ переводныхъ «Отецъ семейства» Дидро, «Коварство и любовь» Шиллера и другія. Полевой сдѣлался записнымъ театраломъ. «Всѣ мы»,—говоритъ онъ о себѣ и своихъ товарищахъ,—«хаживали въ партеръ, безъ афишки угадывали лица, считали себя большими знатоками, хлопали до усталости, судили, рядили, имѣли своихъ любимцевъ и любимицъ и конца не было нашимъ спорамъ за пьесы и артистовъ» [2]). Война 1812 года вызывала сильный подъемъ патріотизма. Полевой былъ свидѣтелемъ и даже участникомъ тѣхъ патріотическихъ восторговъ, которые вызывали пьесы въ родѣ «Минина» С. Н. Глинки. Публика съ удивительной чуткостью подчеркивала каждый стихъ, каждое слово, имѣвшее отношеніе къ тому, что происходило тогда на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ближайшимъ результатомъ увлеченія театромъ было то, что Полевой такъ же какъ и раньше, началъ писать для театра, «скропалъ», какъ онъ самъ

[1]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 28, 30.

[2]) «Репертуаръ», 1840, кн. II, стр. 8.

выражается, цѣлую трагедію «Василько Романовичъ», которую, по окончаніи, сжегъ, чувствуя, что она «никуда не годится» [1]). Поселившись въ Курскѣ, гдѣ онъ поступилъ на службу къ купцу А. П. Баушеву, Полевой завелъ здѣсь небольшой домашній театръ, на которомъ ставилась, между прочимъ, трагедія Нарѣжнаго «Димитрій Самозванецъ» [2]). Та же любовь къ театру въ болѣе позднее время высказалась у Полевого-журналиста въ томъ, что его журналъ постоянно слѣдилъ за всѣми выдающимися явленіями не только русской, но и европейской сцены. На страницахъ «Московскаго Телеграфа» можно было встрѣтить переводы лучшихъ статей о драматическомъ искусствѣ, разборы произведеній такихъ драматурговъ, какъ Шекспиръ, рецензіи на всѣ новости драматической литературы. Цѣлый, довольно обширный, отдѣлъ «Телеграфа» былъ посвященъ театру. Князь Вяземскій даже высказывалъ свое удивленіе по этому поводу. «Статьи о русскомъ Московскомъ театрѣ, печатанныя прежде, и кои, кажется, будутъ имѣть продолженіе въ нынѣшнемъ»,— писалъ онъ,—«замѣчательны своею обширностью. Нельзя не подивиться охотѣ и возможности говорить такъ часто и такъ много о г-жѣ Лавровой, г-жѣ Репиной» и др. [3]). Наконецъ, въ томъ же «Московскомъ Телеграфѣ» онъ началъ уже печатать небольшія пьески. Одна изъ нихъ была поставлена даже на сцену позже [4]).

Послѣ всего сказаннаго трудно видѣть въ драматической дѣятельности Полевого простой результатъ *спроса*, тѣмъ болѣе, что и спроса особеннаго не было. «Если дѣло идетъ о модѣ, объ обращеніи вкуса къ театру»,—писалъ Полевой,—«право, его не было и теперь еще нѣтъ; начавши писать, я не могъ увлечься примѣромъ другихъ» [5]). Полевой любилъ театръ, у него были всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться драматическимъ писателемъ, и если онъ сдѣлался таковымъ въ концѣ своей литературной дѣятельности, а не въ на-

---

[1]) Тамъ же. Объ этомъ же говоритъ и *Кс. Полевой* въ своихъ Запискахъ, стр. 30.

[2]) *Кс. Полевой*. Записки, стр. 37.

[3]) *Вяземскій*. Сочиненія, т. II, стр. 126.

[4]) Подъ заглавіемъ «Полчаса за кулисами». Напечатана была она въ «Новомъ Живописцѣ», издававшемся при «Московскомъ Телеграфѣ», подъ заглавіемъ «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина». Тамъ же, въ «Живописцѣ», были напечатаны сцены: «Визиты въ Новый годъ», «Бесѣда у стараго литератора или Устарѣла старина», «Бесѣда у молодаго литератора или Старымъ бредитъ новизна», «Предсѣдатель и совѣтники», быль не быль, однако жъ и не сказка, «Разговоръ послѣ бесѣдъ съ литераторами» («Новый Живописецъ Общества и Литературы». М. 1831—1832. Ч. IV и V).

[5]) «Сынъ Отечества», 1839, т. VIII, № 4, стр. 110.

чалѣ ея, то объясняется это простой случайностью. Что же касается до общихъ принциповъ, до убѣжденій Полевого, то онъ нисколько не измѣнилъ имъ. Полевой-драматургъ въ этомъ отношеніи не отличается отъ Полевого-журналиста. Людямъ, обвинявшимъ его въ какихъ-то низкихъ стремленіяхъ, которыя онъ якобы преслѣдовалъ своими патріотическими драмами, достаточно сравнить то, что говорилъ Полевой въ своихъ журнальныхъ статьяхъ съ принципами его драматическихъ произведеній. Такое сравненіе докажетъ несправедливость обвиненія. Въ данномъ случаѣ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о патріотизмѣ драмъ и комедій Полевого, въ которомъ усматривали прямое противорѣчіе съ взглядами, высказывавшимися Полевымъ раньше по этому вопросу. Несомнѣнно, что Полевой всегда, въ теченіе всей своей жизни былъ самымъ искреннимъ патріотомъ. Еще изъ Курска, т. е. въ то время, когда ему было около двадцати лѣтъ, Полевой посылалъ въ «Русскій Вѣстникъ» разнаго рода патріотическія стихотворенія и статьи, въ которыхъ можно замѣтить тѣ же чувства, что и въ болѣе позднихъ драматическихъ сочиненіяхъ [1]). Тотъ же патріотизмъ, преклоненіе передъ всѣмъ русскимъ сказалось во многихъ изъ его статей, писанныхъ въ то время, когда его обвиняли уже чуть не въ измѣнѣ отечеству. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Полевой очень цѣнилъ Державина, между прочимъ, за то, что «сочиненія его исполнены русскаго духа, котораго видомъ не видать, слыхомъ не слыхать у другихъ мнимо-русскихъ поэтовъ» [2]). Мысль Д. Н. Каншина издать народныя русскія пѣсни встрѣтила въ немъ полное сочувствіе [3]). Разбирая оперу Верстовскаго «Вадимъ», Полевой коренной недостатокъ ея музыки видѣлъ въ отсутствіи «самобытности», національнаго характера. «Стихіи» для такой музыки должны были найтись, по его мнѣнію, «въ душѣ русской, мелодіяхъ народныхъ. Уклонись только въ душу свою, русскій Веберъ!»,—писалъ онъ,—«вдохновись, исполнись духомъ и религіей родной страны и изобрѣтай новыя формы для созданій изъ родныхъ словъ и пѣснопѣній» [4]). Комедія «Чародѣйство», несмотря на то, что представляла собою грубый фарсъ, была похвалена Полевымъ за то, что въ ней «видна Русь, какъ она есть, съ природы списанная, *не поддѣланная*». «Въ новой комедіи»,—писалъ онъ,—«есть разгулъ русскаго простонарод-

[1]) *С. Н. Глинка.* Записки. Спб. 1895. Стр. 310—311.

[2]) «Московскій Телеграфъ», 1832, № 18, стр. 224.

[3]) Тамъ же, 1833, № 14, стр. 269; 1831, № 12, стр. 485.

[4]) Тамъ же, 1832, № 18, стр. 280.

наго юмора, разгулъ тяжелый, странный, но *онъ милѣе намъ кажется всякаго переводнаго*, водевильнаго и мелодраматическаго умничанья» [1]). По поводу трагедіи Крюковского «Пожарскій», Полевой писалъ, что «такой предметъ, какъ Пожарскій, въ самомъ неискусномъ изображеніи долженъ поражать умъ и возвышать душу, ибо онъ заставляетъ насъ *гордиться* достоинствомъ человѣка и гражданина русскаго... Кто, напримѣръ, безъ сердечнаго волненія можетъ читать или слышать слѣдующія слова Пожарскаго:

Россія не въ Москвѣ: среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна... и т. д.» [2])

Въ русскомъ солдатѣ Полевой всегда видѣлъ «добраго, храбраго русскаго воина», «достойнаго брата, съ которымъ былъ *готовъ раздѣлить и любовь къ родинѣ* и всѣ вещественныя выгоды»... [3]) «Я самъ купецъ»,—писалъ Полевой въ статьѣ по поводу устройства Коммерческаго училища,—«и горжусь, что принадлежу къ сему почтенному званію, которое, уступая, можетъ быть, другимъ въ образованіи, конечно, не уступитъ никому въ *желаніи добра отечеству* и помнитъ, что изъ среды его вышелъ безсмертный мясникъ Нижегородскій» [4]). К. Мосальскаго, автора драмы «Сирота», онъ похвалилъ за желаніе «вселить въ дѣтей любовь къ отечественному, русскому» [5]). Любопытно, что даже въ своей роковой рецензіи на драму Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», по выраженію эпиграммы, «погубившей» Полевого, заставившей его прекратить свой журналъ, онъ является патріотомъ. «Изъ освобожденія Москвы Мининомъ и Пожарскимъ»,—писалъ онъ,—«невозможно создать драмы, какъ это сдѣлалъ Кукольникъ, ибо тутъ не было драмы въ дѣйствительности. Романъ и драма заключались въ событіяхъ до 1612 года. Мининъ и 1612 годъ — это *гимнъ, ода*, пропѣтые экспромптомъ русскою душою въ нѣсколько мѣсяцевъ» [6]). Если онъ упрекалъ здѣсь Кукольника, то лишь за то, что въ его пѣснѣ «нисколько и ничего нѣтъ историческаго, ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ». Полевой просто, безъ всякихъ антипатріотическихъ намѣреній, недоумѣвалъ, зачѣмъ Кукольникъ назвалъ свою драму «заимствованной *изъ Отечественной исторіи*» [7]). Этихъ

[1]) Тамъ же, 1831, № 12, стр. 481—482.
[2]) Тамъ же, 1829, № 11, стр. 376—377.
[3]) Тамъ же, 1833, № 14, стр. 269.
[4]) Тамъ же, 1829, № 19, стр. 362.
[5]) Тамъ же, 1831, № 2, стр. 257.
[6]) Тамъ же, 1834, № 3, стр. 499.
[7]) Тамъ же, стр. 503.

примѣровъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ искренности Полевого, написавшаго и «Дѣдушку русскаго флота», и «Купца Иголкина», и «Костромскіе лѣса» и другія свои пьесы, проникнутыя сильнымъ патріотизмомъ.

На чемъ же, однако, основывались тѣ упреки въ «ненависти къ своему отечеству» [1]), которые высказывались Полевому по поводу перваго періода его дѣятельности, въ чемъ усматривали антипатріотическія убѣжденія Полевого? Несомнѣнно, что безъ огня дыму не бываетъ. Нѣкоторыя изъ мыслей Полевого могли быть истолкованы и истолковывались въ такомъ смыслѣ. Онъ, дѣйствительно, всегда и энергично нападалъ на «квасный», т. е. дѣланный, фальшивый патріотизмъ, на то, что имѣло только видъ патріотизма. Онъ, напримѣръ, постоянно былъ противъ тѣхъ «многихъ патріотовъ нашихъ, которые не могутъ хвалить и любить отечественнаго *безъ того, чтобы не ругать и не презирать иностраннаго*» [2]). Умъ и критическое чутье не позволяли ему закрывать глаза на фальшивый патріотизмъ, которымъ обличалось большинство современныхъ драмъ. «Какая тутъ Русь!»,—возмущался Полевой,—«пошлыя забавы на посидѣлкахъ и пляски, которыя мы видимъ въ каждомъ почти дивертиссементѣ, болтовня русской бабы, мошенничество нищихъ, подьячій, забавы разбойниковъ на междудѣльѣ,—и все это скрашено русскими поговорками и пословицами»... [3]). Такого рода взглядами Полевой не могъ не возстановить противъ себя тѣхъ литераторовъ, которые, «отвергая и классицизмъ, и романтизмъ, трсбовали *какой-то особенной народной поэзіи* и безпрестанно твердили о русскихъ пѣсняхъ, русскихъ лѣтописяхъ, врядъ-ли ихъ читавши»... [4]). Это непризнаніе «мужицкихъ поговорокъ, пословицъ, пѣсенъ, дракъ» и т. п. эффектовъ народной, національной жизнью создало Полевому репутацію человѣка, ненавидящаго свое отечество. Насколько оно основательно, насколько Полевой, какъ драматургъ, измѣнилъ своему основному убѣжденію—очевидно, думаемъ, для каждаго. Даже Булгаринъ замѣтилъ, что въ Полевомъ нѣтъ того патріотизма, который онъ же прозвалъ *квасным*ъ, т. е. патріотизма, возбуждающаго глупую и безотчетную ненависть ко всему иностранному, не различая хорошаго отъ дурнаго [5]).

---

[1]) *Вигель.* Записки, т. II, стр. 187.

[2]) «Московскій Телеграфъ», 1831, № 2, стр. 257.

[3]) Тамъ же, 1833, № 3, стр. 482.

[4]) Тамъ же, 1825, № 2, стр. 167.

[5]) Панорамическій взглядъ на современное состояніе русскихъ театровъ. «Репертуаръ», 1840, стр. 19.

Болѣе основательно другое утвержденіе современной критики. Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей высказалъ мысль, что «драмы г. Полевого—живое опроверженіе того, что онъ писывалъ, бывало, о чужихъ драмахъ, а критика его — рѣшительное ауто-да-фе для его драмъ» [1]). Для того, чтобы провѣрить это утвержденіе намъ нужно посмотрѣть, что представлялъ собою Полевой, какъ театральный критикъ. Его критическія статьи заключаютъ въ себѣ достаточный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса.

Повидимому, у Полевого не было какихъ-нибудь строго опредѣленныхъ взглядовъ на драму. Будучи поклонникомъ Кузена, послѣдователемъ эклектической философіи, Полевой и по этому вопросу не выработалъ какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленной системы. Передъ нимъ носилось представленіе о какой-то новой драмѣ, о какихъ-то новыхъ требованіяхъ, но представленіе это было очень смутно. «Какая должна быть современная драма у каждаго народа»,—спрашивалъ онъ,—«и даже должна ли быть отдѣльная драма русская, французская, нѣмецкая? Для меня ,все это составляетъ еще до сихъ поръ вопросы. Я увѣренъ, что современная намъ драма не осуществлена ни французскими классиками и романтиками, ни германскою драмой Шиллера, Гете, ни даже Шекспиромъ» [2]). Вполнѣ естественно, что современныя русскія драмы не могли удовлетворять требованіямъ даже не такого взыскательнаго человѣка, какъ Полевой. Онъ, впрочемъ, насколько можно судить по его рецензіямъ, главнымъ образомъ требовалъ естественности, правды въ изображеніи жизни. «Сто русскихъ романтическихъ поэмъ»,—писалъ онъ, — «за одну комедію, подобную «Дворянскимъ выборамъ» или «Выбору исправника». Здѣсь драгоцѣнны для насъ природа, мѣстность. Сочинитель *изъ живаго общества* беретъ каррикатурныя лица свои: характеры, обычаи, слова ихъ списываетъ съ удивительной вѣрностью» [3]). Автора комедіи «Шельменко» Полевой хвалилъ за «оригинальность» и «*умѣнье списывать съ природы*» [4]). «Горе отъ ума» встрѣтило въ «Московскомъ Телеграфѣ» самый сочувственный пріемъ. Полевой видѣлъ въ немъ «произведеніе въ своемъ родѣ единственное на русскомъ языкѣ и замѣчательное для всѣхъ словесностей». Больше всего цѣнилъ онъ въ этой комедіи «самобытность» и «первообразность характеровъ», то, что герои этой комедіи были живыми

---

[1]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VII. 459.

[2]) «Сынъ Отечества», 1839, т. VIII, № 4, стр. 111.

[3]) «Московскій Телеграфъ», 1830, № 25, стр. 86.

[4]) Тамъ же, 1831, № 19, стр. 388.

людьми, а не маріонетками, дѣйствительно жили, а не дѣйствовали и двигались [1]). Само собою понятно, что восторгаться Полевому приходилось не часто, гораздо рѣже, нежели возмущаться. Его возмущало прежде всего то, что русскій театръ былъ простымъ, при томъ же грубо сдѣланнымъ, сколкомъ съ театра французскаго. «Перенимая все отъ французовъ»,—писалъ онъ,—«мы завели у себя на сценѣ *драму* со всѣми ея уродливостями и передѣлываемъ водевиль (это чадо французской веселости), такъ же, какъ передѣлываемъ французскихъ Дорантовъ и Клеантовъ въ Прямосудовыхъ и Здравомысловыхъ» [2]). Результатомъ такой подражательности было полное отсутствіе жизни и естественности въ твореніяхъ россійскихъ драматурговъ, которыя, кромѣ того, изобиловали всякаго рода сценическими эффектами, бывшими тогда въ большомъ ходу на Западѣ. «Ужасы, Фаустовскія сборища вѣдьмъ, колдуньи Макбетовы, буря въ Лирѣ кажутся имъ»,—говорилъ Полевой по адресу этихъ драматурговъ,—«единственными основаніями трагедіи. Не понимая ни величія, ни духа, ни цѣли романтической трагедіи, они склеиваютъ вмѣстѣ всевозможные страхи: скелетовъ, громы, чертей, сумасшедшихъ и заставляютъ дѣйствующія лица ругаться, драться, рѣзаться, бѣгать, кричать» [3]). Всякая драма, не удовлетворявшая требованіямъ естественности и правды, вызывала энергичныя нападки со стороны Полевого. Барона Розена, автора драмы «Россія и Баторій», Полевой упрекалъ за то, что герои его только резонируютъ, народъ является по заказу и вся драма «влечется» отъ начала къ концу безъ жизни, безъ связи. «Драма ли все это передвиганіе сценъ въ Москву, Псковъ, Александровскую слободу, въ станъ Баторія; все это мелканіе лицъ, которыя приходятъ, говорятъ долго, иногда даже очень долго, и ничего не сказываютъ; наконецъ, вся эта замазка трещинъ между явленіями, *народныя* сцены? Нѣтъ. Все это не драма: видимъ бѣготню лицъ, сраженія, слышимъ разговоры, пальбу, крикъ и шумъ, но *жизни нѣтъ*, и ничто не клеится тутъ одно къ другому. Можете выкинуть половину явленій, и драма ничего не потеряетъ. Попробуйте пропустить всѣ сцены въ таборѣ Баторія, выкинуть *его*, выкинуть Курбскаго, поляковъ, и драма еще много выиграетъ, ибо сдѣлается короче» [4]). Мелодраму «Пебло» онъ нашелъ «отвратительной», потому что «характеры дѣйствующихъ лицъ и многія подробности *неесте-*

[1]) Тамъ же, 1833, № 18, стр. 245—254.

[2]) Тамъ же, 1838, № 24, стр. 493.

[3]) Тамъ же, 1831, № 13, стр. 86; 1826, № 14, стр. 156—163.

[4]) Тамъ же, 1833, № 16, стр. 573.

ственны, нисколько не похожи на испанскіе, что въ пьесѣ нѣтъ и слѣдовъ испанскаго колорита» [1]). Драма Грильпарцера «Прародительница» показалась Полевому неудовлетворительной, потому что «страсти въ ней не развиты, лица не отдѣланы, явленія не связаны, дѣйствіе перепутано, *событія и дѣла навалены кучею, громадою безобразной*» [2]). Съ этой же точки зрѣнія Полевой не удовлетворялся трагедіями Байрона, «невѣрными въ дѣйствующихъ лицахъ», потому что въ нихъ «говоритъ поэтъ, а герои бездѣйствуютъ» [3]). Всякаго рода грубые сценическіе эффекты, представлявшіе собою неотъемлемую принадлежность кукольныхъ комедій, казались Полевому тоже несоотвѣтствующими серьезной драмѣ. Драму «Людмила» поэтому онъ сравнивалъ съ лубочной картинкой, раскрашенной сурикомъ, лазурью, гуммигутомъ и ярью мѣдянкой... «Вотъ вѣрное изображеніе патріотическихъ балетовъ, драмъ, мелодрамъ, которые видимъ на нашемъ театрѣ», — писалъ онъ. — «Нѣсколько человѣкъ бьются на сабляхъ, слышно хлопанье фейерверка, бьютъ въ барабанъ, человѣкъ пятьдесятъ маршируетъ по театру, наконецъ, генералъ затягиваетъ пѣсню, потомъ начинаются пляски, цыганская, русская—и дѣло кончено» [4]). Разбирая «Двумужницу» князя Шаховского, Полевой набросалъ въ видѣ примѣра планъ «романтической драмы»: — «Ванька-взорви-голова или Чертовъ пасынокъ», гдѣ пустилъ въ ходъ всѣ употреблявшіеся тогда сценическіе эффекты, которыми, кстати сказать, позже и самъ не брезгалъ, — вѣдьмъ, подъячихъ, разбойниковъ и т. д. Кромѣ того, представилъ цѣлый рядъ пародій на народныя пѣсни и quasi-народный жанръ, въ такомъ родѣ:

Мы заварим ли
Пива крѣпкаго;
Мы затремъ его—
Головой своей,
Мы сварим его
Молодечествомъ и т. д.

Дѣйствующія лица въ этой пародіи говорятъ не иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: «Сидитъ атаманъ, пригорюнился, опустилъ свои руки бѣлыя, во слезахъ его очи ясныя» и т. д. [5]). Развязки, состоявшія въ извѣст-

[1]) Тамъ же, 1831, № 3, стр. 416.

[2]) Тамъ же, 1831, № 4, стр. 571.

[3]) Тамъ же, 1838, № 20, стр. 461.

[4]) Тамъ же, 1830, № 13, стр. 87; 1838, № 21, стр. 96.

[5]) Тамъ же, 1833, стр. 490, 491.

номъ пріемѣ—deus ex machina и часто практиковавшіяся впослѣдствіи самимъ Полевымъ, въ это время встрѣчали съ его стороны насмѣшки. Такъ, напримѣръ, онъ иронически разсказываетъ, какимъ образомъ князь А. А. Шаховской закончилъ своего «Рославлева». «Пока Рославлевъ въ отчаяніи»,—писалъ Полевой,—слышенъ шумъ, гремитъ барабанный бой, идутъ русскіе солдаты, крикъ *ура*... и поэмѣ сей конецъ» [1]).

Нужно замѣтить, что Полевой вообще ставилъ князя Шаховского не очень высоко, соглашался признать въ немъ «первокласснаго писателя», какъ его нерѣдко называли, но только въ томъ случаѣ, если подъ этимъ словомъ разумѣть первый классъ уѣзднаго училища [2]). «Князь А. Шаховской»,—говорилъ о немъ Полевой,—«до нынѣ испыталъ всѣ роды драматическихъ сочиненій, писалъ трагедіи, комедіи, оперы, водевили, мелодрамы въ стихахъ и прозѣ, бралъ предметы изъ библіи (Деббора), изъ исторіи, изъ сказокъ, передѣлывалъ въ драмы романы В. Скотта и М. Н. Загоскина, поэмы Пушкина, обошелъ весь міръ, ища сюжеты для драмы, былъ и въ древней Греціи, и въ новой Франціи; такое безпокойство показываетъ, безъ сомнѣнія, или многообразное величіе генія, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнаса, такъ, что ему не остается ничего другаго, какъ перестать писать или сознаться, подобно Репетилову: «и я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ» [3]). Особенно не нравилось Полевому въ Шаховскомъ подражаніе «новымъ французскимъ драматикамъ, у которыхъ четвертуютъ и душатъ на сценѣ», а главными героями являются разнаго рода разбойники и мошенники [4]).

Послѣ всего этого, казалось бы, естественнѣе всего было ожидать, что удовлетворитъ Полевого Гоголь, тѣмъ болѣе, что онъ такъ сочувственно принялъ комедію «Горе отъ ума» [5]), а о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина высказался, какъ о «великомъ явленіи нашей словесности», какъ о «шагѣ къ настоящей романтической драмѣ» [6]). Случилось, однако, далеко не такъ. Полевой не понялъ «Ревизора», и потому, конечно, не былъ удовлетворенъ имъ. Поклонникъ Кузена, романтикъ, восхищавшійся Викторомъ Гюго и

---

[1]) Тамъ же, 1832, № 13, стр. 126.

[2]) Тамъ же, 1830, № 15, стр. 383.

[3]) Тамъ же, 1833, № 3, стр. 474.

[4]) Тамъ же, 1833, № 3, стр. 482.

[5]) Тамъ же, 1825, № 2, стр. 167.

[6]) Тамъ же, 1831, № 2, стр. 245.

всю жизнь пропагандировавшій свои убѣжденія, Полевой, конечно, не могъ отрѣшиться отъ нихъ для Гоголя. Онъ требовалъ естественности и жизненной правды, но далеко не въ такой степени, какъ это сдѣлалъ Гоголь. Незамысловатая обиходная завязка, обыкновенные сѣренькіе люди съ ихъ повседневными дѣлами и заботами, обыденный тонъ, отсутствіе идеальныхъ типовъ—все это слишкомъ отличалось, слишкомъ превосходило всѣ тѣ стремленія къ правдѣ и реализму, которыя были выработаны Полевымъ. «Ревизоръ» производитъ слишкомъ цѣльное и опредѣленное впечатлѣніе для того, чтобъ оно могло быть понятно эклектику, всегда останавливавшемуся на серединѣ, философу, который, признавая принципъ, не допускалъ его приложенія и наоборотъ. Результатомъ такого непониманія явилась статья Полевого, вооружившая противъ автора ея всѣхъ лучшихъ представителей современнаго общества. «Ревизоръ» Гоголя»,—писалъ въ этой статьѣ Полевой,—«фарсъ, который нравится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни цѣли, ни драмы, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ—неправильный, лица—уродливые гротески, характеры — китайскія тѣни, происшествіе — несбыточное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно-смѣшно, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещомъ, какъ повѣсть о дурнѣ, какъ малороссійская пѣсня:

Танцювала рыба зъ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ,
А цыбуля съ часныкомъ...

Не подумайте, чтобы такія созданія было легко писать, чтобы всякій могъ писать ихъ. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ» [1]). Само собою понятно, что въ этомъ отзывѣ не было ничего личнаго, неискренняго, ничего такого, въ чемъ заподозрили Полевого многіе изъ его современниковъ. Полевой просто *не могъ* оцѣнить по достоинству Гоголя, потому что, какъ говоритъ Бѣлинскій, «былъ уже въ своей апогеѣ и у него на все были уже составлены свои опредѣленія» [2]). Послѣ блестящей защиты Н. Г. Чернышевскаго въ этомъ уже не станетъ никто сомнѣваться [3]). Если прибавимъ ко всему сказанному, что Полевой требовалъ отъ актеровъ не только природнаго таланта, но также искусства и образованности, что удовлетворялъ его требованіямъ больше Каратыгинъ, нежели

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1842, № 1, стр. 61.

[2]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. III, стр. 104—105.

[3]) «Современникъ», 1855, № 12, стр. 32—65.

Мочаловъ [1]), то мы получимъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о принципахъ Полевого, какъ театральнаго критика. Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что дѣйствительно нѣкоторые изъ упрековъ, которые онъ дѣлалъ другимъ драматургамъ, безъ всякихъ натяжекъ могли быть приложены и прилагались къ его драмамъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію его драматической дѣятельности.

II.

Какъ мы уже говорили выше, Полевой всегда увлекался театромъ и давно уже мечталъ о дѣятельности драматурга. Внѣшнимъ толчкомъ, побудившимъ его взяться за это дѣло былъ «Гамлетъ». «Въ грустное время жизни»,— говоритъ объ этомъ Полевой,—«когда я развлекался, сочиняя «Аббатонну» Шекспиръ, старый другъ мой, соблазнилъ переводить «Гамлета»... Успѣхъ [2]) рѣшилъ дѣло и побудилъ меня на драматическій опытъ еще, а потомъ на другой и третій» [3])... Шекспиръ сильно интересовалъ Полевого еще въ то время, когда онъ издавалъ «Московскій Телеграфъ». Не знаемъ, возбудили-ль этотъ интересъ въ немъ «слова Шлегелей, барона Экштейна и статьи французскаго журнала «Globe», какъ предполагаетъ Бѣлинскій [4]), но фактъ остается фактомъ. Полевой постоянно пропагандировалъ Шекспира въ своемъ журналѣ, гдѣ помѣстилъ цѣлый рядъ статей о немъ, переводныхъ и оригинальныхъ, нѣсколько отрывковъ изъ «Короля Лира» и другихъ трагедій. Переводъ «Гамлета», сдѣланный Вронченко, онъ привѣтствовалъ «съ радостью», находилъ, что этотъ огромный трудъ, прекрасно исполненный, дающій дѣйствительное представленіе о Шекспирѣ, заслуживаетъ «величайшей благодарности современниковъ» [5]). Такой же похвальный отзывъ встрѣтила драматическая шутка В. Кюхельбекера, главнымъ образомъ, за обстоятельное предисловіе о Шекспирѣ, который въ то время былъ «такъ мало извѣстенъ» [6]). Дѣйствительно, Шекспиръ въ то время былъ очень мало извѣстенъ, и если извѣстенъ, то не съ хорошей стороны, а потому, говоря словами Полевого,

[1]) *А. В. Кольцовъ.* Стихотворенія и письма. Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Спб. 1895. Стр. 190.

[2]) Представленъ въ первый разъ на Московскомъ театрѣ 22-го января 1837 г., въ бенефисъ Мочалова.

[3]) «Сынъ Отечества», 1839, т. VIII, № 4, стр. 110.

[4]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VI, стр. 625.

[5]) «Московскій Телеграфъ», 1838 № 24, стр. 496—497.

[6]) Тамъ же, 1825, № 22, стр. 199.

«большая отвага надобна была» для того, чтобы выступить съ «Гамлетомъ» [1]). Полевой не побоялся неблагопріятныхъ условій и выступилъ съ «Гамлетомъ», даже не переведеннымъ, а приспособленнымъ для сцены. Поступая такимъ образомъ, онъ имѣлъ за собой авторитетъ Шлегеля, допускавшаго «вольности» въ переводѣ Шекспира и старавшагося только возможно вѣрнѣе «передать его духъ, поэзію». Кромѣ того, Полевой, большой знатокъ сцены и театра, видѣлъ, что «Гамлетъ», въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ авторомъ, не совсѣмъ удобенъ для современной сцены, и потому сократилъ мѣстами слишкомъ длинные монологи подлинника, допустилъ нѣкоторыя «вольности» въ переводѣ другихъ мѣстъ. Въ настоящее время никто не будетъ возмущаться противъ такого «святотатства», противъ такихъ «искаженій». Лучшимъ доказательствомъ правоты Полевого служитъ то, что до сихъ поръ, т. е. почти шестьдесятъ лѣтъ спустя, на нашихъ сценахъ даютъ «Гамлета» въ большинствѣ случаевъ въ переводѣ Н. А. Полевого. Но современники отнеслись къ этому вопросу иначе. Болѣе или менѣе сдержанный въ своихъ сужденіяхъ Плетневъ выразилъ только сожалѣніе по поводу сокращеній, уничтожавшихъ «всю индивидуальность Шекспира». «Нынѣшній переводчикъ»,—говорилъ онъ,—«желалъ старыя формы разговоровъ освѣжить краткостью и внести болѣе быстроты въ монологи. Можно повѣрить, что это измѣненіе благопріятно для театра, но не для литературы» [2]). Бѣлинскій выступилъ съ цѣлымъ рядомъ очень рѣзкихъ обличеній. Кронебергъ помѣстилъ двѣ очень большія статьи въ «Литературной Газетѣ», въ которыхъ, иронизируя надъ Полевымъ, какъ надъ несправедливо гонимымъ геніемъ, старался выставить всѣ его промахи. Статьи эти отличались многословіемъ, но никакихъ существенныхъ ошибокъ не указали. Такъ, напримѣръ, онъ упрекалъ переводчика за то, что слова: «Iam sick at heart» онъ передалъ черезъ «я нездоровъ», что привидѣніе онъ назвалъ «страннымъ», а не «страшнымъ», какъ у Шекспира. На основаніи этой, съ его точки зрѣнія, неточности, Кронебергъ построилъ даже цѣлую теорію о томъ, что Полевой хотѣлъ приспособить Шекспира къ современнымъ понятіямъ, что теперь, когда привидѣніямъ никто не вѣритъ, они не страшны, а странны. На этомъ же основаніи Полевой, по мнѣнію Кронеберга, заставилъ Горація не перекрестить привидѣніе, какъ у Шекспира, а загородить ему дорогу [3]). Достаточно справиться съ текстомъ перевода для того, чтобы вся искусствен-

[1]) «Сынъ Отечества», 1839, т. VIII, отд. IV, стр. 110.

[2]) «Литературныя приложенія къ Русскому Инвалиду», 1837, № 44, стр. 433.

[3]) «Литературная Газета», 1840, № 49, столб. 1116 и сл.

ность построенія этой теоріи сдѣлалась совершенно очевидной. Марцелло, въ уста котораго вложены слова о *странномъ* привидѣніи, говоритъ о немъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ и во всякомъ случаѣ безъ всякаго скептицизма:

Гораціо не вѣритъ; говоритъ, что все мечта,
Не вѣритъ ничему, что говорилъ я
Объ этомъ *странномъ* привидѣньи.
Вотъ для чего я пригласилъ его сюда;
Пусть онъ, когда опять *мертвецъ* придетъ
Увидитъ самъ и говоритъ съ нимъ.

Ясно, что въ этихъ словахъ сказалось простое недоумѣніе, простой вопросъ о томъ, что могло бы значить появленіе привидѣнія,—не болѣе. Не вдаваясь въ подробный разборъ другихъ поправокъ въ томъ же родѣ, мы позволимъ себѣ остановиться еще на обвиненіи, которое было высказано Кронебергомъ и которое съ увѣренностью повторялось всѣми почти критиками Полевого. Обвиненіе это состояло въ томъ, что Полевой якобы переводилъ не съ подлинника, а просто перевелъ французскую передѣлку «Гамлета», сдѣланную Летурнеромъ и исправленную Гизо. «Стало быть, вся слава этой передѣлки принадлежитъ г. Гизо?»—спрашивалъ Кронебергъ, заканчивая свою статью. — «А я, простакъ, думалъ, что все это надѣлалъ г. Полевой. Не хочу же и разбирать далѣе этого перевода съ французской передѣлки» [1]). Этотъ же упрекъ повторилъ и критикъ «Отечественныхъ Записокъ» [2]). Несомнѣнно, что обвиненіе это было совершенно неосновательно. Полевой зналъ переводъ Летурнера, но всегда отзывался о немъ, какъ о переводѣ неудовлетворительномъ [3]). Въ 1828 году, напримѣръ, онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ статью, въ которой доказывалось, что «преложеніе г-на Гизо являетъ намъ Шекспира въ недостойномъ нарядѣ и вывороченнымъ на изнанку до такой степени, что совсѣмъ нельзя узнать въ этомъ буквальномъ, отличающемся будто бы величайшей точностью переводѣ» [4]). Послѣ такого отзыва врядъ ли можно предположить, чтобы Полевой могъ воспользоваться переводомъ, отличавшимся такими достоинствами. Сличеніе убѣждаетъ въ справедливости такого предположенія [5]). «Странное» привидѣніе, которымъ

[1]) Тамъ же, 1840, № 50, столб. 1145.

[2]) «Отечественныя Записки», 1840, т. IX, отд. VI, стр. 64.

[3]) «Московскій Телеграфъ», 1833, № 9, стр. 155.

[4]) Тамъ же, 1828, № 11, стр. 339.

[5]) Ср., напримѣръ, I д., явленіе 3-е (Ouevres complétes de Schakspeare traduits de l'an-

особенно возмущался Кронебергъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Летурнеръ перевелъ это мѣсто совершенно такъ, какъ этого хотѣлъ Кронебергъ: «Horatio dit, que c'est pure imagination, et il ne veut pas du tout croire à cette *terrible* apparition, que nous avons vue deux fois» [1]). Полевой, будучи независимъ отъ Летурнера, передалъ его иначе. Что же касается до знанія англійскаго языка, то, повидимому, онъ его зналъ хорошо. «Шекспира и Байрона, а равно и англійскихъ историковъ»,—пишетъ намъ П. Н. Полевой (сынъ Н. А. Полевого), — «отецъ читалъ въ подлинникѣ и въ обширной библіотекѣ его цѣлыя полки, на моей памяти, были переполнены англійскими книгами. Когда онъ выучился англійскому языку,—не знаю. Но изъ отзывовъ одного знатока англійскаго языка, который самъ переводилъ Шекспира и входилъ поэтому въ сношенія съ отцомъ, мнѣ извѣстно, что хотя отецъ мой выговаривалъ англійскія слова прекурьезно, но языкъ понималъ *превосходно*».

«Гамлетъ», имѣвшій несомнѣнный успѣхъ обратилъ на Полевого вниманіе всѣхъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ театру, особенно артистовъ и артистокъ, которые радовались появленію новаго поставщика пьесъ для ихъ бенефисовъ. Поставщикъ этотъ былъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что за свои произведенія онъ обыкновенно ровно ничего не бралъ. «Гамлетъ» былъ отданъ имъ даромъ для бенефиса Мочалова. Едва ли не самую большую изъ своихъ драмъ—«Уголино» Полевой отдалъ тоже даромъ для бенефиса [2]). Извѣстный трагикъ В. А. Каратыгинъ, по словамъ П. Н. Полевого, «постоянно побуждалъ писать Н. А. Полевого для сцены, сдружился съ нимъ, умѣлъ даромъ отъ него получать пьесы для своихъ бенефисовъ» [3]). «Даже хорошенькая Асенкова могла заставить», — по словамъ Кс. А. Полевого — «написать пьесу для ея бенефиса» [4]). Такимъ образомъ, Полевой сдѣлался присяжнымъ бенефиснымъ писателемъ, его заставляли писать, имъ дорожили, потому что онъ «доставлялъ такія роли артистамъ, въ которыхъ, кажется, можно было даже и посредственному актеру быть хорошимъ» [5]). Результатомъ такой извѣстности былъ длинный рядъ пьесъ, которыя мы постараемся перечислить по возможности въ хронологическомъ порядкѣ:

---

glais par Letourneur, revue et corrigée par F. Guizot. Paris. 1821. P. 210, 216 и др.—Переводъ изд. А. С. Суворина, стр. 18, 21 и др.)

[1]) Oeuvres, p. 183.

[2]) «Иллюстрація», 1846, № 46, стр. 729.

[3]) «Историческій Вѣстникъ», 1888, т. XXXI, мартъ, стр. 633.

[4]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 460.

[5]) «Репертуаръ», 1840, т. I, стр. 13.

1838.

«Уголино», драма въ 5 д. [1]).

«Черезполосныя владѣнія», водевиль въ 1 д. [2]).

«Дѣдушка русскаго флота», историческая быль въ 1 д. [3]).

«Иголкинъ, купецъ новгородскій», историческая быль въ 1 д. [4]).

1839.

«Смерть или честь», драма въ 5 д. [5]).

«Ода Фелицѣ» [6]).

«Русскій человѣкъ добро помнитъ», драматическая быль въ 1 д. [7]).

«*Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ*», драма [8]).

«Первое представленіе Мельника колдуна, обманщика и свата», комедія въ 1 д. [9]).

«Ужасный незнакомецъ», комедія въ 1 д. [10]).

1840.

«Параша Сибирячка», драма въ 2 д. съ эпилогомъ [11]).

---

[1]) Вышла отдѣльнымъ изданіемъ (Спб. 1838). Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 17-го января 1838 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина.

[2]) Представленъ въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 13-го іюня 1838 г., въ бенефисъ Максимова 1-го.

[3]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 9-го ноября 1838 г., въ бенефисъ Асенковой.

[4]) Напечатана въ «Сынѣ Отечества», 1839, т. VII, отд. 1, стр. 43. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 14-го декабря 1838 г., въ бенефисъ Каратыгиной.

[5]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 18-го января 1839 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина.

[6]) Напечатана въ «Сынѣ Отечества», 1839, т. X, отд. 1, стр. 11.

[7]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 5-го мая 1839 г., въ бенефисъ Самойловой 2-й.

[8]) Курсивомъ мы печатаемъ названія тѣхъ пьесъ, о которыхъ не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, т. е. были ли онѣ напечатаны или поставлены на сцену.

[9]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 15-го сентября 1839 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[10]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 8-го декабря 1839 г., въ бенефисъ Сосницкаго.

[11]) Напечатана въ «Репертуарѣ», 1840, т. I. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 17-го января 1840 г., въ бенефисъ Асенковой.

«Солдатское сердце или Бивуакъ въ Саволаксѣ», военный анекдотъ въ 2 д. съ эпилогомъ [1]).

«Иванъ Ивановичъ Недотрога», комедія въ 1 д., передѣланная съ французскаго [2]).

«Онъ за все платитъ», водевиль въ 1 д., переводъ съ французскаго.

«Обѣдъ у Барраса или На плута полтора плута», комедія въ 1 д.

«Мнимый больной», комедія въ 3 д. Мольера, переводъ съ французскаго (1-го и 2-го д.) [3]).

1841.

«Костромскіе лѣса», быль въ 2 д. [4]).

1842.

«Елена Глинская», драматическое представленіе въ 5 д. [5]).

«Критика на Школу женщинъ», комедія въ 1 д. Мольера, переводъ съ французскаго [6]).

«Мать Испанка», драматическое представленіе въ 3 д. [7]).

«Выборы или За споромъ дѣло стало», водевиль въ 1 д. [8]).

«Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами». Сибирская сказка въ 2 д. [9]).

«*Неразлучные*», водевиль.

«*Пажъ-невѣста*», водевиль.

---

[1]) Напечатанъ въ «Репертуарѣ», 1840, т. I, кн. 8. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ двумя послѣдующими пьесами, 9-го іюля 1840 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[2]) Напечатана въ «Репертуарѣ», 1840, т. I, кн. 9. Дату перваго представленія см. выше, прим. 1-е.

[3]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 7-го октября 1840 г., въ бенефисъ Гусевой.

[4]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 24-го сентября 1841 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[5]) Напечатано въ «Репертуарѣ», 1842, кн. II. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 12-го февраля 1842 г.

[6]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 9-го іюня 1842 г., въ бенефисъ Мартынова.

[7]) Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1842, т. VI, отд. I, стр. 21. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 13-го іюля 1842 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[8]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 13-го іюля 1842 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[9]) Напечатано въ «Дагерротипѣ». Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 9-го сентября 1842 г., въ бенефисъ Куликова.

«*Вампировъ*», комедія въ 5 д.

«*Сарданапалъ*», драма въ 5 д. Байрона, переводъ съ англійскаго.

«*Саконтала*», драма въ 5 д.

«*Массинисса*», драма въ 5 д.

1843.

«Ломоносовъ или Жизнь и поэзія», драматическая повѣсть въ 5 д. [1]).

«Полчаса за кулисами», комедія въ 1 д. [2]).

«Волшебный боченокъ или Сонъ на яву», сказка въ 2 д., передѣлка съ нѣмецкаго [3]).

«Проектъ».

1844.

«Русскій морякъ», историческая быль въ 1 д. [4]).

«Сигарка или Страшная тайна», комедія въ 1 д. [5]).

1845.

«Павелъ и Виргинія», драма въ 5 д. [6]).

«Ермакъ Тимоѳеичъ или Волга и Сибирь», драматическое представленіе въ 5 д. [7]).

«Тимонъ Аѳинянинъ», сцены изъ драматической повѣсти В. Шекспира, вольный переводъ съ англійскаго [8]).

«*Рыцарь Леопарда*», драма [9]).

---

[1]) Напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1843, т. 56, отд. I, стр. 60. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 2-го февраля 1843 г.

[2]) Напечатана въ «Репертуарѣ», 1843, т. IV, кн. 10. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 20-го сентября 1843 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[3]) Напечатана въ «Репертуарѣ», 1843, т. IV, кн. 10. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 20-го сентября 1843 г., въ бенефисъ Сосницкой.

[4]) Напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1844, т. 62, отд. I, стр. 262. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 11-го января 1844 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина.

[5]) Напечатана въ «Репертуарѣ», 1843, т. I, кн. III, стр. 87. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 13-го сентября 1844 г.

[6]) Напечатана въ «Репертуарѣ», 1845, кн. I, стр. 138. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 2-го января 1845 г.

[7]) Напечатано въ «Репертуарѣ», 1845, кн. III, стр. 705. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 15-го февраля 1845 г.

[8]) Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 22-го сентября 1848 г., въ бенефисъ Толченова 1-го.

[9]) Существуетъ указаніе на то, что романъ «Синіе и Зеленые» первоначально былъ написанъ Полевымъ въ формѣ трагедіи (Записки *Неизвѣстной (А. Драшусовой)*. «Русскій

Уже изъ этого длиннаго перечня однихъ заглавій видно, что Полевой почти не уступалъ князю А. А. Шаховскому по количеству написанныхъ пьесъ и разнообразію сюжетовъ. Относительно сюжетовъ, впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что Полевой очень рѣдко измышлялъ фабулу для своихъ пьесъ. Съ этой цѣлью, онъ болѣе или менѣе пользовался драматическими анекдотами историческаго характера, повѣстями, разсказами, иногда даже темами, на которыя писались уже драмы и комедіи другими. Такъ, для своей первой драмы «Уголино» онъ взялъ сюжетъ изъ «Божественной комедіи» Данте и въ предисловіи даже привелъ соотвѣтственную выдержку (Inferno, пѣснь XXXII, стихъ 125—139; пѣснь XXXIII, стихъ 1—90) на итальянскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ [1]). Содержаніе пьесы «Смерть или честь» взято изъ повѣсти Мишель-Массона «Le Grain de Sable», напечатанной имъ въ книгѣ «Daniel le Lapideur ou les Contes de l'atelier» (Paris. 1833) [2]). Драма «Мать Испанка» передѣлана изъ романа Мейснера «Рѣдкая мать»; комедія «Иванъ Ивановичъ Недотрога»—изъ комедіи Пикара «Le Susceptible»; «Мнимый больной» — передѣлка Мольеровскаго «Malade imaginaire»; «Павелъ и Виргинія»—повѣсти того же имени; «Онъ за все платитъ»—переводъ французскаго водевиля. Сюжетъ для «Ужаснаго незнакомца» взятъ изъ повѣсти Фонжере, напечатанной сначала въ «Московскомъ Телеграфѣ», а затѣмъ въ «Повѣстяхъ и литературныхъ отрывкахъ» Полевого, подъ заглавіемъ «Много шуму изъ пустяковъ» [3]). «Обѣдъ у Барраса» — передѣлка пьесы Камилла Берне и Генриха Тріансона, напечатанной въ «Revue de Paris» [4]). «Полчаса за кулисами»—ничто иное, какъ старая пьеска самого же Полевого, напечатанная имъ раньше, подъ заглавіемъ «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина» [5])

Вѣстникъ», 1881 г., № 9, стр. 141). Въ отдѣльно вышедшемъ собраніи «Драматическихъ сочиненій и переводовъ Н. А. Полевого» были помѣщены слѣдующія его произведенія. *Въ 1-й части*: «Дѣдушка русскаго флота».—«Иголкинъ».—«Параша Сибирячка».—«Ода Фелицѣ».—«Костромскіе лѣса». *Во 2-й части:* «Первое представленіе Мельника колдуна и свата». — «Солдатское сердце». — «Русскій человѣкъ добро помнитъ».— «Отецъ и откупщикъ, дочь и откупъ».—«Ив. Ив. Недотрога».—«Обѣдъ у Барраса».—«Послѣсловіе». *Въ 3-й части*: «Гамлетъ».—«Уголино». *Въ 4-й части*: «Смерть или честь».—«Елена Глинская».—«Мать Испанка».

[1]) Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. Спб. 1843. Ч. III, стр. 256.

[2]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № 5, стр. 107. Здѣсь же указывается на сходство пьесы съ оперой Обера «Невѣста» и «Клавиго» Гете.

[3]) Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого, ч. II, стр. 10.

[4]) Тамъ же.

[5]) «Московскій Телеграфъ», 1830, ч. 33, № 10, стр. 180.

Сюжетъ пьесы «Солдатское сердце» заимствованъ изъ разсказа Булгарина «Кто правъ, кто виноватъ», напечатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ» [1]).

Болѣе самостоятеленъ Полевой въ пьесахъ изъ русской исторіи и жизни. Для нихъ онъ выбиралъ историческіе и бытовые анекдоты. Такъ, напримѣръ, въ основаніе пьесы «Иголкинъ» положенъ извѣстный и вполнѣ достовѣрный фактъ изъ исторіи Великой Сѣверной войны. «Костромскіе лѣса» — ничто иное, какъ разсказъ о подвигѣ Сусанина, которымъ не разъ пользовались и другіе драматурги. Сюжетъ «Русскаго моряка» заимствованъ изъ «истиннаго происшествія, случившагося съ капитаномъ Сакеномъ, который въ 1788 году погибъ геройской смертью въ битвѣ съ турками» [2]). Пьеса «Русскій человѣкъ добро помнитъ» написана на основаніи анекдота, слышаннаго гдѣ-то Полевымъ [3]). Сюжетъ «Ермака» очень напоминаетъ драму Хомякова съ такимъ же именемъ. «Параша Сибирячка»—ничто иное, какъ изложеніе въ драматической формѣ достовѣрнаго разсказа о Прасковьѣ Лупаловой, дочери малоросса, драгунскаго поручика, сосланнаго въ Сибирь за растрату казенныхъ денегъ и проживавшаго въ деревнѣ Жиляновкѣ [4]); сюжетъ этотъ пользовался въ то время большой популярностью и послужилъ темой для романовъ г-жи Котенъ и де-Метра.

III.

Принимая во вниманіе все это, нельзя не согласиться съ Бѣлинскимъ, говорившимъ, что «Полевой явился у насъ создателемъ особаго рода драмы—драмы анекдотической, которая есть ничто иное, какъ анекдотъ, переложенный на разговоры между любовникомъ, любовницей и разлучниками, оканчивающійся свадьбой» [5]). Это, впрочемъ, не было ни для кого особеннымъ откровеніемъ. Не только Бѣлинскій, но и другіе критики знали источники драматическихъ произведеній Полевого, который, къ тому же, не думалъ никого обманывать въ этомъ смыслѣ. «Пользуясь готовымъ сюжетомъ»,—писалъ одинъ изъ такихъ критиковъ,—«Полевой обращаетъ все вниманіе на сценическую обработку его, выжимаетъ изъ него самыя неожиданныя сцены, самые оглушительные эффекты. Въ настоящемъ положеніи сцены, при теперешней

[1]) «Репертуаръ», 1840, т. II (хроника), стр. 45.

[2]) Тамъ же, 1844, № 2, стр. 77.

[3]) Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого, т. II, стр. 9.

[4]) «Русская Старина», 1873, т. VII, стр. 727.

[5]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. V, стр. 408.

образованности массы публики — лучше г. Полевого не было, да и не надо писателя. Они такъ понимаютъ, такъ любятъ другъ друга, что не знаешь, чему болѣе удивляться — таланту Полевого или постоянству публики» [1]). Дѣйствительно, несмотря на то, что большинство пьесъ были составлены наскоро, для театральныхъ бенефисовъ, всѣ онѣ имѣли громадный успѣхъ.

Объ этомъ прямо говорятъ не только самъ Полевой [2]), не только второстепенные критики, но даже Бѣлинскій. Такъ, напримѣръ, «Елена Глинская», по словамъ одного критика, имѣла «рѣдкій, колоссальный успѣхъ», шла «нѣсколько разъ кряду» и «театръ всегда былъ полонъ» [3]). По словамъ другаго критика пьеса эта даже «произвела фуроръ» [4]). «Уголино» въ Петербургѣ имѣлъ успѣхъ необычайный»,—писалъ князь В. Ѳ. Одоевскій Шевыреву,—«автора вызывали два раза, Каратыгина разъ шесть. На сценѣ эта драма въ самомъ дѣлѣ не дурна. Я не подозрѣвалъ въ Полевомъ такого таланта» [5]). Самъ Полевой слѣдующимъ образомъ разсказывалъ, въ письмѣ къ брату, впечатлѣніе, произведенное этой пьесой. «Хлопанье сначала было умѣренное; но не могу изобразить, что сдѣлалось потомъ! Каждый стихъ былъ оцѣненъ, узнанъ, принятъ — и это въ холодномъ Петербургѣ, отъ beau-monde! Рукоплесканія сыпались, но это ничего; Каратыгина вызывали послѣ каждаго акта, но и это еще ничего. Третій актъ—всюду слезы: плакали дамы, мущины, гвардейцы; иные вскакивали съ мѣстъ съ трепетомъ, и въ концѣ третьяго акта какъ страшный волканъ лопнулъ: «Автора!» загремѣло съ ревомъ, съ крикомъ, съ дрожаніемъ стѣнъ. Я принужденъ былъ выдти при оглушительномъ воплѣ. Въ четвертомъ актѣ, въ пятомъ актѣ—то мертвое молчаніе, то бѣшенный громъ хлопанья, то «браво», то слезы. Говорили громко, что «Уголино»—Богъ знаетъ что, выше всего; меня обнимали, цѣловали, бѣжали за мной по корридорамъ» [6]).

«Параша Сибирячка» была принята также сочувственно. «Такого блестящаго пріема пьесамъ»,—писалъ по поводу этого одинъ рецензентъ,—«на Александринскомъ театрѣ давно уже не было. Авторъ былъ три раза вызванъ при громкихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ браво» [7]). «Несмотря на то, что

[1]) «Репертуаръ», 1845, т. II, стр. 16.

[2]) Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого, т. II, стр. 3.

[3]) «Репертуаръ», 1842, т. I, № 4, стр. 42. — «Сѣверная Пчела», 1842, № 42, стр. 166.

[4]) «Литературная Газета», 1842, № 16, стр. 331.

[5]) «Русскій Архивъ», 1878, т. II, стр. 56.

[6]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 411.

[7]) «Репертуаръ», 1840, т. I, стр. 5.

пьесу эту играютъ у насъ два и три раза въ недѣлю»,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—«публика не можетъ насмотрѣться на Парашу, до сихъ поръ еще трудно достать билеты на ея представленіе» [1]). Такимъ успѣхомъ объясняется то, что «Параша» была переведена на нѣмецкій и французскій языки, что издано было нѣсколько литографій главныхъ сценъ ея [2]). «Успѣхъ ея»,—по словамъ самого Полевого,—«былъ неслыханный. Несмотря на четверную цѣну (за полъ-бенефиса Асенкова собрала 8000 р.) билетовъ не достало. Каратыгинъ, Асенкова, Сосницкій играли такъ превосходно, что все заливалось слезами, и меня вызывали три раза. Самъ Государь былъ, и добрая, милая Великая Княгиня Марія Николаевна такъ была растрогана, что ей сдѣлалось дурно послѣ 2-го акта. Френетическія рукоплесканія покрывали сцену» [3]). Такой же успѣхъ имѣла «Параша» въ Воронежѣ, несмотря на очень небрежную постановку [4]). «Дѣдушка русскаго флота», по словамъ Р. Зотова, имѣлъ «самый блистательный успѣхъ» [5]). Критикъ «Московскаго Наблюдателя», писавшій объ успѣхѣ «Дѣдушки» въ Петербургѣ, высказывалъ увѣренность, что и «Москва приметъ ее съ не меньшимъ энтузіазмомъ» [6]). Самъ Полевой писалъ брату, что его «Дѣдушка» сдѣлался «модною пьесой», «необходимой принадлежностью на столикѣ каждаго салона» [7]). Бѣлинскій, всегда преслѣдовавшій «драматическія представленія» Полевого, не могъ не сказать, что пьеса «Первое представленіе Мельника, колдуна» шла «хорошо, цѣлостно, была принята публикой съ восхищеніемъ, несмотря на литературность ея содержанія, не всѣмъ доступную» [8]). Сравнительно съ другими, очень плохая пьеса «Мать Испанка» «увѣнчалась полнымъ успѣхомъ» [9]) и переведена была даже на нѣмецкій языкъ.

Императоръ Николай I, нерѣдко бывавшій въ театрѣ, былъ очень доволенъ пьесами Полевого, написанными на историческіе сюжеты, нерѣдко дарилъ Полевому перстни и выдавалъ денежныя пособія [10]), что давало поводъ

[1]) Тамъ же, Хроника Спб. театровъ, стр. 33.

[2]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 499—501.

[3]) Тамъ же, стр. 491.

[4]) «Репертуаръ», 1840, т. II, стр. 10.

[5]) Воспоминанія. «Репертуаръ», 1840, т. II, стр. 52.

[6]) «Московскій Наблюдатель», 1839, т. I, отд. V, стр. 26.

[7]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 451.

[8]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. III, стр. 161.

[9]) «Репертуаръ», 1842, т. II, № 15, стр. 30—31.

[10]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 452, 491. — «Русская Старина», 1871, т. IV, стр. 675.

къ разнаго рода сплетнямъ [1]). Если къ этому прибавить, что пьесы Полевого съ успѣхомъ ставились еще въ шестидесятыхъ годахъ [2]), а на провинціальныхъ сценахъ нерѣдко ставятся и въ настоящее время, то этого будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы характеризовать несомнѣнный успѣхъ «драматическихъ представленій» и комедій Полевого.

Въ чемъ же, однако, заключалась причина или причины такого успѣха? Причины эти отчасти находились внѣ самихъ «драматическихъ представленій» Полевого. Прежде всего, это было время, ознаменовавшееся бѣдностью театральнаго репертуара. «Пьесъ много, а смотрѣть нечего»,—говорилъ Бѣлинскій по этому поводу [3]). Дѣйствительно, пьесы Полевого выгодно выдѣлялись на общемъ сѣромъ фонѣ современнаго репертуара. Кромѣ того, «поразительный», «неслыханный» успѣхъ можетъ быть отчасти объясненъ составомъ публики современнаго Александринскаго театра. По общему мнѣнію современныхъ критиковъ, публика эта далеко не могла быть отнесена къ разряду авторитетныхъ цѣнителей. «Нѣтъ ничего легче, какъ быть вызваннымъ въ Александринскомъ театрѣ»,—писалъ Бѣлинскій.—«Не успѣваютъ только въ этомъ или ужъ черезчуръ безсмысленныя и скучныя пьесы, или ужъ слишкомъ высокія созданія искусства» [4])... Главный контингентъ посѣтителей составляли, по словамъ самого Полевого,—«бородки», приходившія сюда «похлопать и пошумѣть на свои деньги». Александринскій театръ въ Петербургѣ «отправлялъ въ это время ту самую должность, какая въ Парижѣ раздѣлена между толпою бульварныхъ театровъ» [5]). Наиболѣе любимыми пьесами были въ

[1]) «Владиславлевъ мнѣ разсказывалъ про Н. А. Полевого», — записалъ Никитенко,— «В. Дубельтъ позвалъ его къ себѣ для передачи Высочайше пожалованнаго перстня за пьесу «Ботикъ Петра I».—Вотъ вы теперь стоите на хорошей дорогѣ: это гораздо лучше, чѣмъ попусту либеральничать,—замѣтилъ Дубельтъ.—Ваше Превосходительство,—замѣтилъ Полевой, низко кланяясь,—я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще больше вѣрноподданническихъ чувствъ. Надѣюсь, вы тоже будете довольны» («Русская Старина», 1889, т. LXIV, стр. 104). Несомнѣнно, что такого рода сплетни должны быть поставлены въ связи съ общимъ отношеніемъ къ Полевому въ то время. По крайней мѣрѣ, до этого времени никто не только не дѣлалъ такихъ упрековъ Полевому, но даже, наоборотъ, считали его мечтателемъ опаснымъ, несмотря на то, что и тогда онъ пользовался расположеніемъ Николая I. Такъ, Снегиревъ разсказываетъ, что Государь, будучи въ Москвѣ еще въ 1830 году, пожаловалъ Полевому перстень («Древняя и Новая Россія», 1880, т. XVIII, стр. 549).

[2]) «Русская Старина», 1886, т. L, стр. 657.

[3]) Сочиненія, т. IX, стр. 219, 228 и др.

[4]) Тамъ же, т. VII, стр. 463, 464; т. VI, стр. 647 и др.

[5]) «Репертуаръ», 1844, кн. V, стр. 169.

это время разнаго рода водевили. «Любитъ эта публика и драму, только не Шекспировскую, а такъ какую нибудь, чтобы была ей по плечу, возвышала бы ея душу моральными афоризмами о торжествѣ добродѣтели, пагубности порока, да умиляла бы ея сердце чувствительными эффектами» [1]).

Несомнѣнно, что Полевой, вообще прекрасно знавшій сцену, зналъ также свою публику и нерѣдко сообразовался съ ея вкусами. Въ одной изъ своихъ статей (впрочемъ, переводной) Полевой какъ бы изложилъ свое profession de foi по этому вопросу. «Ложи требуютъ отъ васъ чего-нибудь тонкаго, изящнаго, нѣжныхъ намековъ чувства и сердца, а партеръ, напротивъ, хочетъ чего-нибудь грубаго, надутыхъ, рѣзкихъ выраженій, громкихъ словъ, которыя иногда на два локтя переходятъ за предѣлы здраваго смысла, логики и грамматики. Итакъ, если вы хотите успѣха, вамъ надобно найти среднее нѣчто въ слогѣ, смѣсь партера съ ложами, хорошаго съ дурнымъ» [2]). Дѣйствительно, по отзывамъ критики, Полевой «зналъ публику, умѣлъ затрогивать ее то звонкою фразой, то необыкновенностью сценическихъ движеній, часто совсѣмъ неестественныхъ» [3]). По словамъ другаго критика, Полевой «для услажденія публики Александринскаго театра» съ избыткомъ «сдабривалъ» нѣкоторыя изъ своихъ пьесъ «знатнымъ количествомъ оплеухъ, тумаковъ, паденій вверхъ ногами и тому подобными драматическими эффектами»... [4]). Конечно, всѣ пріемы такого рода не могутъ быть названы особенно желательными или художественными, но они примѣнялись не только Полевымъ, но были въ ходу до него и послѣ него. Признанный художникъ, Гоголь не могъ удержаться, чтобы не заставить Бобчинскаго растянуться на сценѣ, а о другихъ современныхъ драматургахъ — и говорить нечего. Какъ лекторъ сообразуется всегда съ аудиторіей, такъ и драматургъ принимаетъ во вниманіе публику. Характеризуя дѣятельность Александра Дюма-сына, Максъ Нордау говоритъ, что каждый драматургъ обязательно долженъ обладать извѣстной долей шарлатанства, не можетъ обойтись безъ потворства публикѣ. По его увѣренію, многія изъ пьесъ А. Дюма-сына обязаны успѣхомъ своимъ этимъ свойствамъ автора, который отлично понималъ, что «Theater-Erfolg machen nicht die Logen des ersten Ranges,

---

[1]) «Литературная Газета», 1840, № 17, стр. 395.

[2]) «Сынъ Отечества», 1838, т. VI, отд. IV, стр. 87. Такого же рода взгляды проводилъ и сотрудникъ Полевого, В. Ушаковъ («Московскій Телеграфъ», 1829, № 10, стр. 270).

[3]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 11, стр. 215.

[4]) *Бѣлинскій*. Сочиненія, т. VII, стр. 469.

sondern die Galerien», и сообразовался съ вкусами послѣдней [1]). Если въ былыя времена самъ Полевой возмущался такого рода пріемами, рѣзко нападалъ за это на другихъ драматурговъ, то это объясняется съ одной стороны тѣмъ, что «въ жизни человѣка есть періодъ, когда всякое посредственное или фальшивое явленіе въ сферѣ искусства кажется святотатственнымъ оскорбленіемъ священнѣйшихъ вѣрованій души» [2]), а съ другой—просто потому, что, какъ извѣстно, всегда l'art est difficile... Бѣлинскій, прекрасно видѣвшій всѣ недостатки драматическихъ произведеній Полевого и жестоко нападавшій на нихъ, самъ написалъ очень посредственную драму [3]).

Впрочемъ, не одни внѣшнія условія способствовали успѣху драмъ Полевого. Идеи, которыя онъ проводилъ въ нихъ, также находили сочувственный откликъ среди большинства современнаго общества и доставляли этимъ драмамъ «неслыханный» успѣхъ, «оглушившій» самого автора [4]).

По справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ, Полевой въ своихъ драмахъ «выражалъ извѣстное или полу-извѣстное» [5]), то, что другими уже чувствовалось болѣе или менѣе ясно, но не воплощалось въ какія-нибудь опредѣленныя формы. Такимъ «полу-извѣстнымъ» было въ то время всеобщее стремленіе къ изученію народности, поощрявшееся даже въ оффиціальныхъ сферахъ, любовь къ своему, національному, переходившая нерѣдко, въ такъ называемый, «квасный» патріотизмъ. Полевой, всегда сочувствовавшій такого рода идеямъ, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ «историческихъ былей», переносившихъ зрителей въ отдаленную древне-русскую старину, дававшихъ образы или почву для тѣхъ идеальныхъ представленій о всемъ русскомъ, которыя въ то время были очень распространены. «Къ чему намъ Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Гюго?»,—слышались восклицанія патріотовъ.—«Намъ надо русское! Мы хотимъ одного русскаго! И больше ничего, кромѣ русскаго!» [6]). Полевой отвѣчалъ на эти требованія «Дѣдушкой русскаго флота», «Иголкинымъ», «Парашей Сибирячкой» и др. Во всѣхъ этихъ пьесахъ главными героями, надѣленными всякаго рода добродѣтелями, являются русскіе люди, которые

---

[1]) «Neue Freie Presse», 1895, № 11242.

[2]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VI, стр. 635.

[3]) «Пятидесятилѣтній дядюшка или Странная болѣзнь», драма въ 5 д. (Сочиненія, т. XII, приложенія).

[4]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 411.

[5]) «Отечественныя Записки», 1850, т. 68, отд. VI, стр. 71.

[6]) «Пантеонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ», 1841, № 2, стр. 57.

прекрасно знаютъ всю исторію древней Руси, знакомятъ почти постоянно своихъ слушателей съ выдающимися фактами этой исторіи. Одинъ изъ критиковъ, пытавшихся характеризовать пьесы этого рода, написанныя Полевымъ, указывалъ, что всѣ онѣ проникнуты слѣдующими идеями: «Русская рука!—русское сердце! — не бѣлы-то снѣги!—русская баба!—русскій штыкъ! русскій морякъ!—русскій флагъ!—русское ура! урра! уррра!» [1]). Несомнѣнно, что все это есть въ патріотическихъ драмахъ Полевого, всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ заканчиваются либо патріотическими пророчествами блестящей будущности Россіи, либо раскатистыми криками «ура». Но, кромѣ того, есть въ нихъ и нѣчто другое. Ярый проповѣдникъ романтизма, лучшую часть дѣятельности посвятившій исканію смутныхъ идеаловъ, постоянно недовольный разладомъ между сѣрой, нерѣдко некрасивой дѣйствительностью и идеаломъ, между «мечтами и жизнью», Полевой и въ своихъ пьесахъ явился искреннимъ сторонникомъ положительныхъ, героическихъ типовъ. Не измышляя героевъ, онъ бралъ ихъ совершенно готовыми въ томъ видѣ, какъ представляло ихъ преданіе, легенда. Въ пьесѣ «Костромскіе лѣса» имъ выведенъ Сусанинъ; это дѣйствительно герой, но герой, созданный легендой. Онъ, по обыкновенію всѣхъ героевъ Полевого, говоритъ длинные монологи, предается патріотическо-историческимъ воспоминаніямъ, повѣствуетъ о событіяхъ смутнаго времени, но въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ является русскимъ идеалистомъ, умираетъ за идею. Такой же герой купецъ Иголкинъ, не побоявшійся, находясь въ плѣну въ Швеціи, убить двухъ часовыхъ за то, что они въ его присутствіи неуважительно отзывались о русскомъ Царѣ и Россіи. Въ пьесѣ «Солдатское сердце» выводится идеальный русскій офицеръ, который, увидѣвъ несправедливость приказанія своего начальника, рѣшается не выполнить этого приказанія, идетъ, такимъ образомъ, не щадя себя, въ разрѣзъ съ сѣрой и тяжелой дѣйствительностью. Такими же героями являются «Русскій человѣкъ», который не забываетъ добра, Параша Сибирячка, жертвующая собою для спасенія отца, Державинъ, казнящій подлость, и многіе другіе. Полевой предпочиталъ положительные типы, идеалы. «Мы не думаемъ»,—говорилъ онъ,—«чтобы можно было *исправлять* слабости и пороки комедіями и сатирами. Увы! Уличаемые не сознаются въ сходствѣ, какъ ни обличаетъ ихъ голосъ другихъ» [2]). Выводя

[1]) «Репертуаръ», 1844, кн. V, стр. 185.

[2]) Насколько Полевой былъ искрененъ, насколько самъ вѣрилъ въ изображаемые имъ идеальные типы—вполнѣ доказывается типомъ Державина. Въ пьесѣ «Ода Фелицѣ» онъ

типы отрицательные, бичуя порокъ, Полевой въ то же время выставлялъ характеры, которые давали бы возможность отдохнуть нравственному чувству зрителей, «возвышали душу моральными афоризмами о торжествѣ добродѣтели».

IV.

Публика, видѣвшая передъ собою героевъ, проникавшаяся ихъ высокопарными монологами, симпатизировавшая ихъ идеаламъ, не замѣчала крупныхъ недостатковъ драмъ Полевого, не замѣчала неестественности въ дѣйствіи, въ характерахъ, не обращала вниманія на все то, что бросается сразу же при чтеніи драматическихъ произведеній. Это сдѣлала критика. Драмы Полевого настолько не сложны, можно сказать, примитивны, что критика, оцѣнившая по достоинству Гоголя, не могла, конечно, не понять Полевого. Устранивъ все личное, вызванное современной злобой дня [1]), мы, при чтеніи драмъ Полевого пятьдесятъ лѣтъ спустя, можемъ вполнѣ согласиться съ высказанными критикой мнѣніями.

выведенъ идеалистомъ, жертвующимъ собою за правду, казнящимъ подлость. Такимъ же выведенъ онъ и въ статьѣ, напечатанной Полевымъ въ блестящій и лучшій періодъ его дѣятельности въ «Московскомъ Телеграфѣ». Здѣсь мы видимъ Державина такимъ же, какимъ его вывелъ позже Полевой въ своей пьесѣ. По словамъ Полевого, первоначально Державинъ «служилъ и почиталъ поэзію мимолетнымъ занятіямъ», постоянно выказывалъ «негодованіе, которое возбуждали въ душѣ его пороки, несправедливость и гордость»... «Характеръ его былъ сильный, пламенный, пылкій, раздражительный, увлекающійся, дѣтски-добродушный, благородный... Все увлекало его, всегда онъ былъ восторженъ, принимаясь за свою лиру. Онъ жилъ въ идеяхъ, преображенныхъ веществомъ; онъ вдохновлялся Екатериной, какъ изображеніемъ божества на землѣ». Если въ свое время, проповѣдывая такого рода идеализмъ, Полевой шелъ впереди общества, проводилъ нѣчто новое, а теперь это новое, эти идеалы сдѣлались достояніемъ массы, устарѣли для современныхъ передовыхъ людей—не его вина. Критика совершенно вѣрно подмѣтила, что Полевой удовлетворялъ невзыскательную публику своими идеалами, что драмы его «обязаны своимъ успѣхомъ чувствамъ патріотическимъ, а не литературнымъ достоинствамъ». Но эти идеалы, этотъ патріотизмъ, иногда дѣйствительно переходившій въ шаржъ, были вполнѣ искренними у Полевого («Московскій Телеграфъ», 1832, № 16, стр. 551.—«Литературная Газета», 1840, № 17, стр. 395.—*Бѣлинскій*. Сочиненія, т. VII, стр. 229—231.—«Москвитянинъ», 1843, кн. I, ст. 295.—«Литературная Газета», 1842, № 43, стр. 882 и др).

[1]) *Сенковскій* печатно заявлялъ, что не хочетъ давать отзыва объ «Уголино», на томъ основаніи, что Полевой «въ разсужденіи его сталъ во враждебныя отношенія» («Библіотека для Чтенія», 1838, т. 28, отд. VI, стр. 57).

Главный недостатокъ всѣхъ пьесъ Полевого — неестественность, проявляющаяся въ завязкѣ, дѣйствіи, характерахъ, даже въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. И критика этого, конечно, не могла не замѣтить. Въ большинствѣ драмъ Полевого дѣйствительно нѣтъ того, что называется дѣйствіемъ. Передъ вами рядъ личностей, которыя неизвѣстно почему появляются, неизвѣстно почему исчезаютъ, мѣняются декораціи, костюмы,— но все это не происходитъ, а дѣлается. Большія, длинныя драмы особенно страдали этимъ недостаткомъ. Относительно «Уголино», напримѣръ, одинъ изъ критиковъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Драма тянется черезъ многое множество безпрестанно смѣняющихся обстоятельствъ, которыя только увеличиваютъ объемъ ея и придаютъ ей нѣкоторый видъ дѣйствія» [1])..... «Это не драма, не представленіе жизни, въ которой одна минута тѣсно связана съ другой, гдѣ все стремится къ одной цѣли, все вытекаетъ изъ одной причины, все движется по одной силѣ; это—такъ, что-то въ родѣ драмы, сборникъ драматическихъ эффектовъ, соединеніе сценъ, сшитыхъ на живую нитку; это мозаика съ умомъ, но безъ художественнаго, творческаго воодушевленія составленная; это просто—«драматическое представленіе» [2]). Такой же упрекъ вызвала другая большая драма—«Елена Глинская». Бѣлинскій сильно возмущался ея неестественностью и безжизненностью. «О, риторика, о, наборъ словъ, взятыхъ и сведенныхъ наудачу изъ словаря!»—возмущался онъ.—«О, драма, въ которой всѣ говорятъ, говорятъ много и длинно, водяно, сентиментально, растянуто, вяло—и никто ничего не дѣлаетъ! О, драма, въ которой нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствія, ни народности, ни правдоподобія, въ которой бездна скуки, скуки, скуки» [3])... Плетневъ, съ своей стороны, доказывалъ, что «пьеса эта ошибочна по неестественности хода» [4]). Въ «Парашѣ Сибирячкѣ» находили совершенно «невѣроятнымъ» появленіе прохожаго [5]), «Мать Испанку» упрекали въ «недостаткѣ быстроты дѣйствія» [6]), драма «Ломоносовъ» поэтому же казалась однимъ простой «нелѣпостью, исполненной трескучихъ и грубыхъ эффектовъ» [7]), другимъ—

---

[1]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 11, стр. 215.

[2]) Тамъ же, 1838, № 15, стр. 296.

[3]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VI, стр. 633.

[4]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896. Т. I, стр. 497.

[5]) «Маякъ», 1840, ч. VI, стр. 88.

[6]) «Репертуаръ», 1842, т. II, № 15, стр. 30—31.

[7]) Бѣлинскій. Сочиненія, т. VII, стр. 461.

«фантасмагоріей» [1]) и т. д. Упрекъ въ отсутствіи дѣйствія, которое особенно чувствуется при чтеніи длинныхъ пьесъ Полевого, не можетъ быть отнесенъ къ большинству его коротенькихъ представленій. Послѣднія дѣйствительно отличаются живостью и естественностью хода, не могутъ быть упрекаемы въ отсутствіи дѣйствія, и потому встрѣчены были сочувственно не только публикой, но также и критикой. «Дѣдушка русскаго флота», напримѣръ, не только на сценѣ, но и въ чтеніи хорошъ, благодаря именно своей живости и естественности. Здѣсь все люди живые, говорятъ и *дѣйствуютъ*, какъ живые на самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ, а не движутся. Даже обычные у Полевого сценическіе эффекты, въ родѣ народной толпы, кричащей «ура», въ этой пьесѣ какъ-то естественнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Такими же достоинствами отличается небольшая пьеса «Первое представленіе Мельника, колдуна и свата». По мнѣнію Бѣлинскаго, она «шла хорошо и цѣлостно», потому что въ «пьесѣ, съ содержаніемъ изъ русской жизни, безъ трагическихъ ходуль, хоть мало-мальски порядочно слѣпленной, и актеры всѣ хороши, и въ игрѣ есть общность» [2]). Дѣйствительно, читателю не приходится поражаться появленіемъ неожиданныхъ лицъ, которыя не «смѣняются», а дѣйствуютъ. «Костромскіе лѣса» встрѣтили единодушное одобреніе критики за то, что въ этой пьесѣ: «все вѣрно, просто и сильно, именно потому и сильно, что вѣрно и просто» [3]).

Другой еще болѣе справедливый упрекъ дѣлала современная критика Полевому за отсутствіе въ его пьесахъ живыхъ людей, отсутствіе выдержанныхъ реальныхъ характеровъ. «Въ пьесахъ Полевого нѣтъ характеровъ»,—писалъ одинъ современный критикъ,—«въ нихъ есть только роли, нерѣдко весьма между собою похожія, для гг. Каратыгиныхъ, г-жи Гусевой и г. Сосницкаго» [4]). Это было настолько очевидно, что не было критика, который бы не сказалъ этого Полевому въ свое время. «Лица, выведенныя г. Полевымъ»,—читаемъ, напримѣръ, по поводу «Уголино»,—«не лица съ образомъ, или не образы съ лицомъ, а блѣдные очерки какихъ-то людей, которые *здѣ-то и когда-то* жили, волочились, хитрили, рѣзали другъ друга, молились, умирали... Уголино у Полевого похожъ то на тигра или кровожаднаго злодѣя, то—на простака, котораго легко можно обмануть, то—на слабаго труса» [5]).

[1]) «Литературная Газета», 1843, № 7, стр. 142.

[2]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. III, стр. 161.

[3]) «Литературная Газета», 1841, № 122, стр. 486.—«Пантеонъ», 1841, № 6, стр. 104.

[4]) Тамъ же, 1842, № 43, стр. 883.

[5]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 11, стр. 214—215.

Характеръ главнаго героя въ «Еленѣ Глинской»—князя Оболенскаго называли «безцвѣтнымъ», неопредѣленнымъ, такъ же, какъ и другіе характеры въ этой драмѣ [1]). «Мать Испанка» не нравилась потому, что она «была такъ же похожа на испанку, какъ и на шведку, и на нѣмку» [2])... Сусанинъ казался неестественнымъ Бѣлинскому потому, что онъ «говоритъ длинно, напыщенно, риторически», произноситъ «цѣлые монологи тамъ, гдѣ истинный Сусанинъ только молится» [3]). Кони также упрекалъ Полевого за то, что онъ сдѣлалъ Сусанина «стратигомъ, какимъ-то деревенскимъ патріархомъ и тонкимъ политикомъ въ армякѣ», знающимъ не только исторію, но даже «кабинетныя тайны боярской думы» [4]). Ермакъ, по справедливому замѣчанію критика, вышелъ у Полевого какимъ-то рыцаремъ среднихъ вѣковъ, другой козакъ въ этой драмѣ—«Роллеромъ въ нѣмецкомъ платьѣ» [5]). Всѣ дѣйствующія лица не только не типы, не только не могутъ быть отнесены къ какому угодно времени и эпохѣ, но, кромѣ того, въ высшей степени непослѣдовательны, невыдержаны. Возьмемъ, напримѣръ, Сумарокова въ «Первомъ представленіи Мельника»... Онъ не только не соотвѣтствуетъ своему подлиннику, историческому прототипу, но и вообще не можетъ быть названъ живымъ человѣкомъ. Въ началѣ пьесы Сумароковъ является «самодовлѣющимъ россійскимъ Расиномъ», какимъ онъ дѣйствительно и былъ, выслушиваетъ съ удовольствіемъ лесть и похвалы маленькаго писателя Жукова, издѣвается надъ новой пьесой Аблесимова, называетъ автора сумасшедшимъ, неучемъ, незнающимъ піитики и т. д. Успѣхъ пьесы превращаетъ его сразу же въ добродушнаго писателя, внезапно отказавшагося отъ всей своей литературной дѣятельности, лишь только открыли ему глаза. Меценатъ-Сумароковъ, выше всего ставившій самого себя, радуется самымъ искреннымъ образомъ успѣху Аблесимова, успѣху, упраздняющему всю его литературную дѣятельность. «Науки тутъ нѣтъ»,—восклицаетъ онъ,—«а просто хорошо, да и, чертъ знаетъ, какъ это мнѣ прежде это самому въ голову не приходило». Такое же точно непонятное «превращеніе» происходитъ въ «Одѣ Фелицѣ». Здѣсь начальникъ Державина, врагъ стихотворцевъ, взяточникъ, превращается въ концѣ пьесы въ мецената, начинаетъ восхищаться «пасквильными стихами», прогоняетъ подлеца-секре-

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1842, № 45, стр. 178.

[2]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VI, стр. 656.

[3]) Тамъ же, т. V, стр. 409.

[4]) «Литературная Газета», 1841, № 122, стр. 486.—«Пантеонъ», 1841, № 6, стр. 103.

[5]) «Репертуаръ», 1845, т. II, стр. 17.

таря, грозитъ правымъ судомъ купцу Толстосумову и т. д. Вообще такого рода превращенія довольно обычное явленіе въ драмахъ Полевого. Дѣйствующія лица, помимо того, что не отличаются опредѣленностью, говорятъ у Полевого напыщеннымъ и неестественнымъ языкомъ. Особенно это сказывается въ его драмахъ на сюжеты изъ русской исторіи. Здѣсь герои говорятъ какимъ-то былинно-эпическимъ стилемъ, тѣмъ языкомъ, надъ которымъ самъ Полевой раньше иронизировалъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ Сусанинъ повѣствуетъ о своемъ снѣ: «Горько мнѣ стало, что птенца такой Царской птицы коршунъ побиваетъ, кинулся я на встрѣчу ему, заслонилъ собой орла орловича—бросилась на меня птица хищная, ударила клювомъ желѣзнымъ сюда, въ сердце, и повалился я, какъ овсяный снопъ, закатились очи ясныя, подломились ноги скорыя, палъ я безчувственный»... Изъ всего этого видно, что, говоря словами Бѣлинскаго, въ пьесахъ Полевого «правдоподобности» очень немного [1]), почти совершенно нѣтъ. Какъ на исключеніе, можно указать развѣ только на комедію:—«Отецъ откупщикъ, дочь и откупъ», которую даже Бѣлинскій назвалъ «не холостымъ зарядомъ на воздухъ». Она выгодно выдѣляется изъ среды другихъ пьесъ Полевого тѣмъ, что въ ней есть, если не характеры, то вѣрное, правдоподобное изображеніе среды. Главный герой пьесы, откупщикъ Хамовъ, нарисованъ довольно живо, естественно. Это человѣкъ, начавшій съ очень маленькаго, терпѣвшій колотушки, подличавшій, мошенничавшій и этимъ составившій себѣ милліонное состояніе. Въ его глазахъ люди раздѣляются только на двѣ категоріи — на дураковъ и мошенниковъ. Такимъ взглядомъ онъ проникнутъ настолько сильно, что подлость не только своя, о ней и говорить нечего, но даже чужая его нисколько не возмущаетъ съ нравственной точки зрѣнія. Хамовъ, напримѣръ, готовъ убить своего прикащика, Ѳедьку Кулака, за то, что тотъ хочетъ перебить у него выгодный откупъ, но въ то же время понимаетъ, что будь онъ самъ на мѣстѣ Ѳедьки, то поступилъ бы такимъ же образомъ. Мастерски передалъ Полевой типичное купеческое обращеніе съ челядью и интеллигентными пролетаріями. Хамовъ, напримѣръ, болѣе чѣмъ третируетъ всѣхъ, зависящихъ отъ него, говоритъ *ты* художнику, которому онъ заказываетъ свой портретъ, и архитектору, взявшемуся составить планъ для его дома. Хамовъ, вопреки обыкновенію Полевого, вѣренъ самому себѣ отъ начала до конца. Онъ — Хамовъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ. Также типична и дочь, получившая образованіе въ пансіонѣ, вставляющая

[1]) *Бѣлинскій*, т. III, стр. 127.

французскія слова, мечтающая о шляпахъ, каретахъ и женихѣ «изъ благородныхъ». Само собою понятно, что сравнивать Полевого съ Островскимъ никто не станетъ, но въ то же время нельзя не замѣтить, что по изображенію купеческой среды, по нѣкоторымъ типическимъ черточкамъ, проскальзывающимъ въ этой комедіи, «Отецъ откупщикъ» напоминаетъ Островскаго.

Кстати, относительно этого «напоминаетъ». Если это сказуемое имѣетъ своимъ дополненіемъ пьесу, относящуюся къ болѣе позднему времени, чѣмъ пьеса, являющаяся подлежащимъ, то это ставится автору въ заслугу, если же дополненіемъ служитъ пьеса, предшествовавшая пьесѣ автора, то это навлекаетъ на послѣдняго цѣлый рядъ упрековъ, нерѣдко даже обвиненій. Такимъ именно упрекамъ постоянно подвергался Полевой со стороны современной критики. По поводу каждой изъ его драмъ говорилось, что Полевой «ввелъ у насъ способъ дѣлать оригинальныя драмы изъ иностранныхъ пьесъ, перенося даже вымыслы Шекспира и В. Скотта на почву древне-русской жизни, такъ удачно, что не всегда возможно доискаться первообраза» [1]). Помимо такихъ общихъ обвиненій, находимъ и болѣе частныя указанія. Относительно «Елены Глинской», напримѣръ, Межевичъ писалъ, что пьеса эта представляетъ собою «передѣланные на русскіе нравы клочки изъ всевозможныхъ драмъ или даже романовъ, сшитые на живую нитку... Мы, смотря на новую драму, безпрестанно раскланивались со старыми знакомыми: то съ Шекспиромъ, то съ В. Скоттомъ, то съ Пушкинымъ, то съ Н. В. Кукольникомъ, то даже съ Озеровымъ» [2]). Другой критикъ писалъ, что въ драмѣ «Уголино» всѣ «дѣйствующія лица составлены по оригиналамъ, уже давно созданнымъ лучшими драматическими писателями, и составлены совсѣмъ неискусно изъ разныхъ клочковъ. Они блѣдны, слабы и ничтожны, какъ копіи, гдѣ иногда въ одномъ лицѣ соединены черты, взятыя изъ разныхъ лицъ, отчего и лицо дѣлается рябо и пестро» [3]). Князь Ѳ. В. Одоевскій тоже находилъ, что въ пьесахъ Полевого «*много чужаго*» [4]). Бѣлинскій прямо назвалъ «Уголино» пародіей на «Ромео и Юлію» Шекспира [5]), «Елену Глинскую»—пародіей на Макбета [6]). Другіе критики пошли

---

[1]) «Литературная Газета», 1844, № 20, стр. 347.

[2]) «Сѣверная Пчела», 1842, № 45, стр. 178.

[3]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 11, стр. 217.

[4]) «Русскій Архивъ», 1878, т. II, стр. 56.

[5]) Сочиненія, т. VI, стр. 626.

[6]) Тамъ же, стр. 470.

еще дальше въ опредѣленіи источниковъ, расчленили пьесы Полевого на болѣе мелкія составныя части. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію одного критика, «Уголино» представляло собою скверную передѣлку драмы того же названія датскаго драматурга Герстенберга и въ тоже время, — какъ это ни странно,—подражаніе Шекспиру. «Не только сцены, положенія, характеры»,—писалъ онъ,—«даже самые монологи суть не болѣе, какъ неловкія подражанія... Всякій, знающій Шекспировскую «Ромео и Джульетту», согласится, что няня Джульетты и сцена ея съ Джульеттой отразилась въ разговорахъ Калабриты съ Вероникой. Тутъ есть и подражаніе «Ричарду III», начало пятаго дѣйствія напоминаетъ прощаніе Отелло съ оружіемъ»... [1]). Сцены любви между Нино и Вероникой казались явнымъ подражаніемъ, явной пародіею на сцены любви между Ромео и Юліей [2]) и т. д. Несомнѣнно, что Полевой и передѣлывалъ, и подражалъ, и нерѣдко, помимо своей воли, «напоминалъ» другія первоклассныя произведенія. Прекрасно зная не только россійскихъ, но и лучшихъ европейскихъ драматурговъ, онъ при своей огромной памяти не могъ иной разъ, совершенно того не подозрѣвая, не воспользоваться чѣмъ-нибудь изъ запаса своей памяти. Нужно быть слишкомъ ужъ крупнымъ талантомъ и своеобразнымъ мыслителемъ для того, чтобы затмить все предшествовавшее, сдѣлать какой-нибудь свой оригинальный шагъ впередъ. Полевой, писавшій всегда, торопясь для бенефиса, просто даже не имѣлъ времени для того, чтобы «подражать», *выбирать* изъ цѣлаго ряда драмъ нужныя для него мѣста. Если онъ подражалъ, то дѣлалъ это невольно, благодаря своей счастливой памяти. Впрочемъ, для критики не требовалось особенно большаго сходства для того, чтобы высказать такого рода упрекъ. Почему, напримѣръ, сцена у колдуна въ Литовскомъ лѣсу («Елена Глинская») названа «неловкой пародіей на сцену вѣдьмъ въ Макбетѣ»? [3]). Да просто потому, что колдунъ встрѣчаетъ князя Оболенскаго вѣщими словами: «Привѣтствую тебя, Великій Князь Московскій», напоминающими привѣтствія вѣдьмъ Макбету: «Да здравствуетъ Макбетъ, гламисскій танъ!» и т. д. Говоря о заимствованіяхъ изъ Шекспира въ «Уголино», самъ Бѣлинскій находилъ, что между этой драмой и «Ромео» «во внѣшнемъ содержаніи, т. е. въ *сюжетѣ* точно мало общаго, но мысль, но пафосъ

---

[1]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 26, стр. 514.

[2]) «Московскій Наблюдатель», 1838, т. 17. стр. 110.

[3]) *Бѣлинскій*, т. VI, стр. 631.

пьесы рождены рѣшительно драмой Шекспира»... [1]). Противъ этого, конечно, возражать нечего. Что Полевой увлекался Шекспиромъ, старался подражать ему—это очевидно, да и самъ онъ этого не отрицалъ. «Міръ Шекспира безмѣренъ, какъ вселенная»,—писалъ онъ.—«Поэзія его всецвѣтна, какъ свѣтъ. Онъ волшебникъ, и *кто однажды заговоренъ имъ, тотъ вѣчный рабъ его;* того вызовутъ заклинанія Шекспирова отовсюду и бросятъ скованнаго по рукамъ и ногамъ въ міръ Шекспировъ, гдѣ нѣтъ ни конца, ни края созданіямъ, переливамъ, краскамъ, блеску, глубинѣ, высотѣ, пространству и времени» [2])...

Сообщивъ рядъ мнѣній, высказанныхъ критикой по поводу отдѣльныхъ произведеній Полевого, мы должны еще показать, какъ вообще, говоря словами самого Полевого, «отнеслась къ нему критика» [3]), сообщить общую оцѣнку его дѣятельности, сдѣланную той же критикой. Оцѣнка эта не носитъ на себѣ той рѣзкости, которой нерѣдко отличались отдѣльные отзывы, и потому ближе къ истинѣ. «Чѣмъ запечатлѣны всѣ драматическія созданія творца «Уголино»?»—спрашивалъ одинъ критикъ,—«умъ дѣятельный, мыслящій и наблюдательный, начитанность, которая познакомила автора съ твореніями и образцами изящныхъ искусствъ, умѣнье угодить требованіямъ современной публики, умѣнье, или лучше сказать, привычка писать—вотъ, по нашему мнѣнію, главныя литературныя достоинства его» [4]). Бѣлинскій, постоянно преслѣдовавшій всѣ драматическія произведенія, нерѣдко жестоко ихъ осмѣивавшій, на самомъ дѣлѣ считалъ ихъ вполнѣ «удовлетворительными», находилъ, что въ нихъ есть «немножко вкуса, много грамотности, и смыслъ вездѣ на лицо». Относился же онъ нѣсколько рѣзко къ нимъ по той причинѣ, что былъ врагомъ посредственности. «Мы такъ уважаемъ въ лицѣ Полевого бывшаго журналиста, что намъ непріятно видѣть его чѣмъ-то среднимъ между Кукольникомъ и Ободовскимъ и главою разныхъ драматистовъ, съ успѣхомъ подвизающихся въ Александринскомъ театрѣ» [5]). Были также люди, которые ставили Полевого выше Дюма и Виктора Гюго [6]). Несомнѣнно, что если бы Полевой выступилъ со своими драмами раньше, въ періодъ «Московскаго Телеграфа», онъ, быть можетъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 626.

[2]) «Московскій Телеграфъ», 1833, № 19, стр. 371.

[3]) Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого, т. II, стр. 2.

[4]) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № 5, стр. 106.

[5]) *Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VI, стр. 469.

[6]) «Русскій Архивъ», 1878, т. II, стр. 56.

не имѣлъ бы такого шумнаго успѣха, но за то и не вызвалъ бы такихъ нерѣдко жестокихъ нападокъ критики. Въ то время его идеи были идеями лучшей части общества, доставили ему уваженіе не только современниковъ, но и людей болѣе поздняго періода. Полевой, проповѣдывавшій въ концѣ дѣятельности тоже, что и въ началѣ ея, теперь уже казался для лучшей части современнаго образованнаго общества человѣкомъ отсталымъ, устарѣлымъ. Его драмы, основанныя на старомъ міросозерцаніи, были интересны, но только для массы, для большинства, а люди, опередившіе эту массу, уже Полевымъ довольствоваться не могли: у нихъ уже былъ «Ревизоръ».

V.

Самъ Полевой, впрочемъ, нисколько не обманывалъ себя, нисколько не былъ ослѣпленъ бурнымъ, почти небывалымъ успѣхомъ своихъ пьесъ. Сообщая о необычайномъ успѣхѣ своего перваго драматическаго произведенія—«Уголино», онъ спрашивалъ брата: «Продолжать ли мнѣ? Ты знаешь, что это не стоитъ мнѣ никакихъ усилій; но должно ли еще писать или остановиться, *сознавая свое жалкое безсиліе противъ великихъ образцовъ*» [1]). Полевой постоянно говорилъ, что ему «слѣдовало замолчать еще въ 1834 году» [2]), что вся его драматическая дѣятельность представляетъ собою только рядъ добросовѣстныхъ опытовъ, была «игрою va banque на литературную извѣстность» [3]). Такъ же строго, какъ и другихъ современныхъ драматурговъ [4]), Полевой казнилъ и самого себя. «Боже, до какого униженія упалъ я»,—писалъ онъ брату въ 1842 году.—«Я радовался не успѣху «Елены», не созданію ея, *ибо зналъ и знаю, что она глупа и нелѣпа*, я не хотѣлъ даже отдавать ее, хотѣлъ сжечь, но только одна крайность заставила отдать ее на сцену, и—я радовался, что ее *приняли*» [5]). Слова эти совершенно не были тѣмъ, что называется «смиреніемъ паче гордости». Полевой говорилъ такимъ образомъ о своей драматической дѣятельности совершенно искренно и открыто, пожалуй, придавалъ ей гораздо меньше значенія, нежели самые враждебные критики. Несомнѣнно, и Полевой самъ, и критики его въ общемъ были правы. Въ

---

[1]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 411—412.

[2]) Тамъ же, стр. 571.

[3]) «Сынъ Отечества», 1839, ч. VIII, отд. VI, стр. 112.

[4]) «Московскій Телеграфъ», 1831, № 24, стр. 456 и др.

[5]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 546.

драмахъ и комедіяхъ Полевого можно найти не мало всякаго рода недостатковъ, не мало такого, что не позволяетъ ихъ поставить особенно высоко. Неестественность, невыдержанность характеровъ, отсутствіе дѣйствія, заимствованія сюжетовъ и т. п. недостатки драмъ Полевого очевидны для всѣхъ. Но всѣ эти недостатки производили раньше, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще производятъ такое впечатлѣніе, что Полевой могъ бы легко ихъ избѣжать, исправить, если бы только захотѣлъ этого. «Всѣ замѣченныя справедливой критикой недостатки въ его пьесахъ»,—писалъ Булгаринъ,—«происходятъ единственно отъ поспѣшности, съ которою онъ работаетъ» [1]). Тоже самое въ наше время говоритъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, объясняющій недостатки Полевого тѣмъ, что онъ «всегда торопился писать, торопился такъ, что ничего не вынашивалъ» [2]). Замѣчанія эти вполнѣ справедливы, но причина заключалась не въ одной «подвижности его природы», какъ объяснялъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ. Причинъ было много и причины эти были ужасны.

Прежде всего, мы должны не забывать того, что Полевой былъ драматургомъ «между прочимъ». Работая надъ драмами, онъ въ тоже время редактировалъ «Русскій Вѣстникъ», сочинялъ романы, критику, продолжалъ работать надъ раньше начатой исторіей. Бывали мѣсяцы, когда онъ приготовлялъ къ печати по 75 листовъ [3]), работалъ, не выпуская пера. Большинство своихъ драматическихъ произведеній онъ писалъ по настоятельной просьбѣ актеровъ, нуждавшихся въ новыхъ пьесахъ, и могъ посвящать имъ, конечно, очень немного времени. На основаніи его собственныхъ замѣтокъ въ дневникѣ, мы можемъ опредѣлить довольно точно, сколько времени тратилъ Полевой на эти пьесы. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ онъ подъ 10-мъ октября 1838 года: «...Съ 6-ти часовъ принялся за «Дѣдушку русскаго флота» для Владиславлева и Асенковой. Кончилъ къ обѣду и читалъ его своимъ» [4]). «Ломоносовъ» былъ написанъ въ *недѣлю*, при томъ такъ, что въ то время, когда писался конецъ, начало уже печаталось въ типографіи [5]). «Иголкинъ» начатъ былъ 19-го ноября, а законченъ 23-го [6]). Мы не имѣемъ ни возмож-

---

[1]) Панорамическій взглядъ на современное состояніе театровъ. «Репертуаръ», 1840, т. I, стр. 19.

[2]) «Библіографъ», 1888, № 3, стр. 118.

[3]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 496.

[4]) «Историческій Вѣстникъ», 1888, т. 31, № 3, стр. 669.

[5]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 552.

[6]) «Историческій Вѣстникъ», 1888, т. 31, № 3, стр. 671 и 672

ности, ни необходимости сообщить такія же точныя свѣдѣнія объ остальныхъ пьесахъ Полевого, но не ошибемся, если предположимъ, что и на нихъ употребилъ Полевой столько же времени. Впрочемъ, это еще не могло такъ отразиться на достоинствахъ пьесъ, какъ отражались на нихъ условія, среди которыхъ работалъ Полевой, его нравственное и матеріальное положеніе. Послѣдніе годы его жизни были какой-то медленной, но ужасной агоніей. Заваленный работой угнетаемый семейными несчастіями, постоянно преслѣдуемый кредиторами, Полевой писалъ драмы, комедіи, даже водевили. Не удивительно поэтому, что «водевильная шутка»,—какъ говоритъ Каратыгинъ,—«ему не удавалась» [1]), что пьесы обладали значительной долей недостатковъ. Скорѣе можно удивляться тому, какъ ему «удалось» и то, что онъ сдѣлалъ. Самъ Полевой объяснялъ свою дѣятельность этого періода тѣмъ, что онъ превратился въ «какую-то самопишущую *машину*, которую какъ будто кто-нибудь заводитъ, а она пишетъ, что угодно: драму, повѣсть, исторію, критику. Иногда, какъ одеревенѣлый, работаешь, чтобы ни о чемъ не думать, а заглушить всякое человѣческое чувство» [2]). Для иллюстраціи этого ужаснаго положенія позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ, нѣсколько выдержекъ изъ его дневника и писемъ.

1843 года, 13-го августа. Тяжкій день—меня мучили, а я долженъ былъ между тѣмъ писать водевиль Сосницкой, которая два раза въ день присылаетъ, а я—не только писать, но и думать ничего не въ состояніи.

14-го августа. Самъ не знаю, что дѣлаю. Хотѣлъ бросить начатую пьесу Сосницкой, но она держитъ меня за горло—пишу, видя, что глупо! Но, не пишется.

17-го августа. Я сѣлъ за водевиль Сосницкой. Чувствую, что глупо—и то не пишется! Писалъ, а что писалъ—не знаю. Два раза присылала [3]).

14-го ноября. Все казалось погибшимъ (кредиторы настаивали на объявленіи Полевого несостоятельнымъ). Квартальный. Ни откуда!.. Рѣшился послать Н. къ Л. В. Дубельту просить 500 рублей!! Пришелъ частный лекарь—свидѣтельствовалъ меня! Благородный человѣкъ! Ломанъ—безъ того тащитъ меня въ Управу. Два дня ничего уже не дѣлалъ—хотѣлъ поутру, но голова закружилась... А въ домѣ не было уже ни копѣйки [4]).

---

[1]) «Русская Старина», 1876, т. XV, стр. 99.

[2]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 540.

[3]) «Историческій Вѣстникъ», 1888, т. 32, № 4, стр. 176.

[4]) Тамъ же, стр. 183.

При такихъ условіяхъ былъ написанъ «Русскій морякъ», имѣвшій громадный успѣхъ. «Въ день перваго представленія его», — заключаетъ Полевой свой разсказъ объ этомъ успѣхѣ, — «получена мною повѣстка явиться въ Управу по векселю Сопова» [1])...

Въ довершеніе бѣдствій Н. А. Полевого не мѣшаетъ здѣсь припомнить, что друзья, которымъ Полевой оказывалъ не разъ и не мало услугъ чисто матеріальнаго свойства, которымъ отдавалъ свои пьесы даромъ для бенефисовъ, совершенно равнодушно относились къ такому ужасному его положенію. Каратыгинъ, напримѣръ, едва ли не болѣе другихъ пользовавшійся пьесами Полевого, когда тотъ предложилъ ему свою «Елену Глинскую» и попросилъ дать ему взаймы тысячу рублей, «потребовалъ заемнаго письма съ поручительствомъ» [2]). А, между тѣмъ, драмы эти всетаки отнимали у Полевого время, и гонораръ за нихъ могъ бы очень пригодится при стѣсненныхъ обстоятельствахъ автора. «Чувствую, что я глупо поступаю»,—пишетъ Полевой подъ 24-мъ декабря 1838 года,—«писать драму, вздоръ, когда дѣла, когда письма къ Ксенофонту я не успѣваю написать. За то Каратыгинъ прислалъ намъ *елку*... Какъ одурѣлый писалъ я, все забывши, драму свою, небритый четыре дня, нездоровъ уже съ недѣлю... Отослалъ Каратыгину 4-е и часть 5-го; къ обѣду утомился, еле живъ» [3]).

«...Унынie, отчаяніе овладѣло мною въ послѣднее время; отчаяніе, безчувствіе, каталепсія душевная, гдѣ недоступны ни утѣшенія религіи, ни семейныя радости, гдѣ не чувствуешь ни дружбы, ни ненависти, гдѣ плакать хочется, но не можешь, гдѣ извѣстіе о самомъ страшномъ ударѣ произвело бы только судорожную улыбку упрека судьбѣ, гдѣ жизнь и смерть—все равно...» [4]).

«...Мнѣ теперь иногда по 14-ти часовъ въ сутки приходится сидѣть—точно пишущая машина, и если что *не нелѣпое выходитъ, то я самъ дивлюсь*. Это просто какой-то механизмъ. Усиліемъ свободнаго генія нельзя назвать такую работу, ибо, прочитавши, самъ вижу, *какъ должно бы, да когда о томъ думать?..*».

Положеніе Полевого было дѣйствительно трагическимъ. Онъ чувствовалъ, что его время прошло, видѣлъ себя всѣми брошеннымъ, покинутымъ, ни у кого не встрѣчалъ сочувствія, поддержки. Не имѣя никакой воз-

---

[1]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 569—570.

[2]) Тамъ же, стр. 531.

[3]) «Историческій Вѣстникъ», 1888, т. 31, № 3, стр. 674.

[4]) *Кс. Полевой.* Записки, стр. 543.

можности выбиться изъ страшной нужды, онъ видѣлъ передъ собою только темную, глухую нищету...

Громадной энергіей и силой воли долженъ былъ отличаться человѣкъ, который при такихъ условіяхъ могъ работать, могъ заниматься не какой-нибудь механической работой, а трудомъ, требующимъ напряженія всѣхъ силъ ума, чувства и воображенія. Этого не слѣдуетъ забывать тому, кто пожелаетъ, по крайней мѣрѣ, справедливо оцѣнить Полевого. Если принять во вниманіе ужасныя условія, въ какихъ находился Полевой въ послѣдніе годы жизни, то вмѣсто того, чтобы нападать на «посредственность» его драматическихъ твореній, какъ это дѣлали въ свое время критики, придется удивляться, какъ онъ не только не написалъ «ничего нелѣпаго», но даже сталъ выше многихъ изъ современныхъ ему драматурговъ, въ родѣ Ободовскаго, Зотова и, пожалуй, Кукольника, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя для работы условія.

Не пускаясь въ догадки о томъ, что долженъ былъ сдѣлать Полевой, что онъ могъ бы сдѣлать, чего мы въ правѣ были бы отъ него ожидать и требовать, мы только подведемъ итоги сказанному нами о дѣйствительно сдѣланномъ Полевымъ. Вотъ наши выводы. Полевой былъ драматургомъ далеко не выдающимся и, какъ таковой, не имѣлъ большаго значенія даже для своего времени. Сличая его критическіе взгляды, высказанные имъ раньше по поводу чужихъ драмъ, съ его собственными драматическими произведеніями, мы видимъ, что Полевой былъ гораздо лучшимъ критикомъ, нежели драматургомъ, что многія изъ его раннихъ замѣчаній могутъ быть вполнѣ приложены къ позднѣйшимъ его собственнымъ драмамъ. Путемъ того же сравненія мы убѣждаемся въ томъ, что Полевой въ теченіе всей своей жизни былъ патріотомъ, любилъ все національное, [русское, но въ тоже время отдавалъ должное и европейскому, всегда былъ ярымъ поклонникомъ просвѣщенія, откуда бы оно ни шло. Полевой не можетъ быть названъ ренегатомъ [1]). Теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, когда затихла личная злоба, личные счеты, мы можемъ прямо сказать, что Полевой былъ правъ, говоря о себѣ [2]): «Никогда не увлекался я ни злобою, чувствомъ для меня презрительнымъ, ни завистью; никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разногласило съ моимъ убѣжденіемъ и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего»...

Вл. Боцяновскій.

---

[1]) «Русская Мысль», 1895, № 12, стр. 111.

[2]) Очерки русской литературы, ч. I, стр. 9.

(4)

MK/76-1235

Stanford University Libraries
3 6105 000 465 380

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1994

JUN 29 1997

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004